

РОМАН ТИТОВ

ТЕМНЫЙ
ИСТОК

Гончие Дзара

16+

Роман Титов
Темный Исток: Гончие Дзара
Серия «Темный исток», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487363

SelfPub; 2025

Аннотация

Заключительная часть походов Темного Истока. Все больше тайн, все больше загадок, все больше испытаний на долю героев. История Риши Динальта подходит к концу, а вместе с ней приближается и разгадка главного вопроса всей трилогии – что же собой представляют Тени?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	48
Глава 4	68
Глава 5	94
Глава 6	118
Глава 7	135
Глава 8	152
Глава 9	171
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Роман Титов Темный Исток: Гончие Дзара

Никто и никогда не увидел бы этот роман таким, какой он есть, если б не бесценная помощь Марии Гриневиц. Мой низкий поклон за твое терпение, Мари. Герои книги тебе многим обязаны!

«Тени могут все»

Сет Эпине

Глава 1

Призрак в банке

Голоса доносились будто издалека. Слабые и нестройные, они своей настойчивой размноженностью заставляли сознание отпустить приятные объятия беспамятства.

– Хозяин!

– Тихо!

– Хозяин, но ваши раны! Между прочим, для вас приготовлено. Зачем вы впустили его первым?

– Потому что он важнее.

– Но... вы и без того долго ждали. Неизвестно куда зашвырнула нас эта штукovina, а между тем почти сутки прошли! Что, если ваше состояние ухудшится? Ему-то что? Он, в конце концов, Тень! Раз уж сразу не умер, то уж и не помрет, поди?

– Изма, прошу тебя, умолкни.

– Но я ведь...

– Изма!

– Как хотите.

Изма?

Имя показалось странно знакомым. Где я мог его слышать? Не помню. Хотя... В голове что-то ожило, похожее

на призрак прошлого... Перед глазами явился образ: старый худой мект, облаченный в черную рясу затворника... Слуга, верно? Точно, слуга. Но кому он прислуживал? Кому?.. Мысли ворочались неохотно, увязая в киселе, которым стала моя сущность. Изма. Хм...

Изма, Изма, Изма...

И тут словно булыжником по голове: «Ди!»

Я выкрикнул имя, встрепенулся и со всего маха врезался в прозрачную стенку. Бац! Это еще что такое? Перед глазами потемнело, но, к счастью, лишь на мгновение. Стало ясно, что я внутри большой цилиндрической колбы плаваю в густой и похожей на сироп жидкости.

Понимание смутило. Когда это меня в лечебную капсулу занесло?

Сознание все еще с трудом воспринимало окружающий мир, но снова подводить вроде бы пока не собиралось. Получилось даже оглядеться и понять, что я уже не на Шуоте. Во всяком случае, место, в котором себя обнаружил, ничего общего с мертвой пустыней не имело. Оно напоминало обшарпанный трюм старого грузовоза, полутемный и заваленный всяким хламом.

И ни намека на Аргуса, его слугу или кого бы то ни было еще.

Паника подкрадывалась, будто катрана, почуявшая кровь.

Стараясь отогнать непрошенный приступ, я намеренно дышал как можно ровнее и глубже, чему, кстати, способствова-

ла кем-то предусмотрительно нацепленная кислородная маска. Мысли путались и перемешивались с догадками, кто и когда сумел меня сюда заточить, но ответов не находилось.

В голове мелькнули обрывки воспоминаний о предательстве Дианы Винтерс, о смерти Ди Аргуса и шаманки Тассии Руэ. Даже уничтожение Храма лейров предстало во всей красе. Однако ни намек на сколь-нибудь последовательное развитие дальнейших событий из памяти выудить не удавалось. Все покрывал сплошной молочный туман, и лишь обрывки ощущений и чувств доносились из его глубины. Я помнил все, и в то же время как будто ничего. Я помнил отчаяние. Помнил гнев и собственную неуверенность. Боль. Душевную и физическую. Но самое главное – я помнил одиночество. В пустыне, где на сотни тысяч километров не осталось ни единой души. Кроме...

Я невольно дернулся вновь, стукнувшись лбом о прочное стекло.

Удар вышел несильный, но и его хватило, чтобы привести чувства в порядок. Паника отступила. Вместе с клаустрофобией, прежде мне несвойственной. Обнаружить себя в «хрустальном гробу» было, мягко говоря, неприятно, но я решил, что на то была веская причина. Хотя разум отказывался принимать, что бледное до синевы тело, сплошь покрытое порезами и ссадинами, принадлежит мне. Ран было столько, что и не сосчитать. Несколько уже затягивались, но большинство все еще зияли рваными краями, из которых сочилось

нечто, менее всего похожие на кровь... Густые темные эманации с яркими голубоватыми крапинками, напоминавшие дым или... разлитые в воде чернила, растворялись в целебной жиже без остатка.

Естественно, я знал, что это такое. Видел уже, как мои руки источают Тени в своем, если можно так выразиться, первоизданном облике. Только не представлял, что эффект может распространиться на тело целиком и не будет вызывать ничего, кроме любопытства. Открытые раны заметного дискомфорта не доставляли, за что спасибо, наверное, стоило сказать анестетику, растворенному в сиропе. Если не считать легкой дезориентации и страха быть запертым в банке навечно, я чувствовал себя практически так же хорошо, как до своего решения отправиться на поиски Гробниц юхани. До смерти брата...

Мысль о Мекете заставила действовать. Вернулась былая решимость и желание внести хоть какую-то ясность. Подавшись вперед, я громко забарабанил по стеклу. Я понятия не имел, можно ли говорить в этом наморднике, но на всякий случай попытался:

– Эй! Здесь есть кто-нибудь?!

Мой голос, искаженный вокодером маски, разнесся по трюму эхом, однако без особого эффекта. Едва ли переборки были настолько тонкими, чтобы мой вопль услышали с той стороны, но я был бы не я, если б отчаялся. Набрав в легкие побольше фильтрованного кислорода, выкрикнул громче:

– Эй! Кто-нибудь?!

И снова ничего.

Конечно, я не ждал, что кто-то бросится на мои вопли, но рассчитывал на большее внимание. В углу трюма примостилась крошечная камера наблюдения, темное око которой как раз очень удачно смотрело в сторону капсулы. Крикнув снова, я помахал рукой потенциальному наблюдателю и только потом решил перейти к плану «Б». Закрыв глаза, попросил подсказки у Теней. Я знал, поток невидимой, но могучей энергии, что неустанно струился сквозь пространство и время и обволакивал всю Галактику, мог рассказать все что угодно...

Звук распахнувшегося люка вынудил уставиться в округлый проем. Свет, лившийся с противоположной его стороны, создавал неприятный контраст с полутьмой самого трюма и вырисовывал высокую, мускулистую фигуру, застывшую на пороге.

Аргус?

Несколько секунд фигура держалась неподвижно, словно присматриваясь, а после шагнула вперед с таким видом, будто все на этом свете только ей одной и принадлежало.

– Кто тут у нас галдит на всю Галактику? – Голос оказался далеко не Аргусовским. Как и внешность, чего уж греха таить. Здоровенный детина ни ростом, ни сложением бывшему серому стражу, конечно, не уступал, но по части прочего... Бритый наголо, он был покрыт странными витиеватыми

символами, похожими на ритуальные письмена народа махди. Сами узоры, в неверном сиянии сиропа отливавшие синевой, могли бы показаться красивыми, если б не исказили до гротеска выражение в целом довольно непримечательного и угрюмого лица.

Впрочем, как ни были мне любопытны его татуировки, все же главным украшением вошедшего оказался бластер в притороченной к поясу кобуре.

Не отрывая взгляда от оружия, я спросил:

– Кто вы?

Здоровяк, внимательнейшим образом оглядев меня с головы до ног, ухмыльнулся и продемонстрировал ряд желтых, клиньями заостренных зубов.

– Какой любопытный малыш.

Я изогнул бровь, в надежде, что тип в татуировках добавит что-нибудь внятнее, но он только скалился. Как будто ждал, что, глядя на него, я начну смущаться и канючить. Навивный.

– Как спалось? – Здоровяк мельком глянул на встроенный в капсулу датчик биометрии. – Судя по всему, сон пошел на пользу.

Я искренне удивился и машинально брякнул:

– А вы что, доктор?

Татуированный снова улыбнулся. Вышло хуже прежнего.

– Пожалуй, что доктор. В некотором роде. Непохож?

Поразмышляв немного, я признался:

– Не думаю, что ответ вам понравится.

Тот хохотнул.

– А ты забавный малый.

– Мне говорили.

Пока мы сверлили друг друга взглядами, люк за спиной здоровяка снова открылся и закрылся. В трюм ступил кто-то еще.

Переключив внимание на новичка, я сразу понял, что передо мной женщина. Разумница человеческой расы, весьма свежая лицом, но, как говорится, повидавшая на своем веку некоторое дерьмо. В кругах, где некогда обретался мой братец, таких было принято называть матерями. Вот только чрезмерно крикливый наряд, перекроенный из формы риоммских безопасников, и ярко-красные волосы, ниспадавшие на плечи, немного портили впечатление. Как и глаза, сияющие такой отчаянно жадностью, что не у всякого деяги встретишь.

– Наш пупсик проснулся! – Голос дамочки был менее приятным, чем ее внешность. Высокий и сиплый, он наводил на мысли о шипящем на раскаленной сковороде сале.

– И даже сказал свое первое слово, – заметил Татуированный, продолжая глумливо скалиться. – Оглянуться не успеет, как ходить начнет.

Чутье подсказывало, что за этим бредом скрывалось нечто покруче банальной насмешки, тем не менее беспокоило меня другое.

– У вас, я гляжу, целая труппа юмористов. – Я легонько цапнул стекло ногтем. – Но может, скажете, зачем заточили меня в этой колбе?

Реакция дамочки удивила. Выпятив квадратную челюсть, она обнажила такие же заостренные, как у Татуированного, зубы, и зашипела рассерженной гокки:

– Маленький мальчик хочет выглядеть взрослым? Что ж, ладно. Будем говорить по-взрослому. И первой вопросы начну задавать я. – Тут ее ладонь опустилась на кобуру. Дуло старого, но оттого не менее убийственного бластера нацелилось на меня. – Колись, что ты за тварь и почему твое корыто бороздило мою территорию?

Если б не маска, бесперебойно снабжавшая легкие кислородом, я бы, пожалуй, сбился с дыхания.

– Интересные вы вопросы задаете, но я не уверен, что понимаю их.

Дамочка такой реакции не оценила. Картинно изогнув тщательно выщипанную бровь, она нетерпеливо забарабанила пальцами свободной руки по округлому бедру.

– Надеешься дурачком прикинуться?

– Конечно, – ляпнул я и поспешил поправиться: – В смысле, конечно, я ничего не понимаю. Я ведь без сознания был, если не заметили. Последнее, что помню, это пустыня Шу..., пустыня, где пытался...

...Пытался похоронить тела Ди Аргуса и Тассии Руэ. Даже сумел подготовить для каждого отдельное место. Убогое,

разумеется, но за неимением лучшего...

Тут на меня снова нахлынуло.

Кажется, близилась песчаная буря. Диана и ее Черная эскадра покинули орбиту несколько часов назад, а планету то и дело сотрясала крупная дрожь. Жуткий момент для осознания своей полной беспомощности, а затем...

В голове, точно наяву, раздался оглушительный грохот, которым сопровождалось обрушение каменных плит в воронку, разросшуюся на месте обстрела. Осколки кварца и пыли взметались в небо на несколько десятков метров, пока останки Храма исчезали в провале... Сердце неслось галопом, а перед глазами мелькали картинки чудовищного оползня, поглощавшего своей безразмерной пастью один труп за другим. Убитые гвардейцы Тетисс, обезглавленная Тассия... Я помнил, что едва успел оттащить Аргуса, прежде чем гладкий камень пошел мелкими трещинками и обвалился. Чувство исчезающей под ногами земли словами не описать. Внутренности в буквальном смысле подскочили к глотке. Секундное ощущение свободного падения, а затем... Неуклюжий кувырок, удар о выступающую скалу, еще один. Рот, набитый каменной крошкой. И под финал – приземление с громким влажным звуком...

– Ну? Продолжай, сказочник, – велела дамочка, дирижируя бластером. – Чего ты там помнишь?

Я посмотрел ей в глаза и очень тихо сказал:

– Кажется, я умер.

Мгновение тишины, а следом – взрыв истерического хохота, да такого яростного, что стенки капсулы задрожали. Оба – и здоровяк, и Рыжая, – чуть пополам не сложились, держась за животы.

– Если ты умер, – утирая слезы, проговорила дамочка, – то, кто сейчас барахтается голым в банке? Призрак?

Смех смехом, а ей, похоже, безумно хотелось знать эти ответы. Жаль, только мне нечего было сказать, и потому приходилось молча и с возраставшей нервозностью наблюдать за мельтешением бластера: туда-сюда, туда-сюда...

– Знаешь, а ведь на корабле, который мы захватили, был один труп, – заметил Татуированный, обращаясь ко мне. – Мы, правда, от него тут же избавились. Бороздит космические просторы своим ходом.

Я замер, холодея. Труп?

– Опишите его!

Татуированный тоже застыл. Похоже, столь рьяный интерес застал его врасплох. Впрочем, секунду спустя, он как ни в чем не бывало ответил:

– Легко. Почти такой же здоровый, как я, черноволосый и бледный. С дыркой в груди. С живым не перепутаешь.

Едва он захлопнул рот, у меня перед глазами помутнело.

Аргус. Они избавились от Аргуса! Выбросили в космос, будто кусок ненужного мусора!

Я сам не заметил, как сжались кулаки, а дыхание убыстрилось. Сочившаяся из ран субстанция, будто живая, ускорила

движение. Аппаратура, следившая за моим физическим состоянием, предупреждаяще всхлипнула.

– Полегче, доходяжка. – Рыжая оттопырила нижнюю губу. – Или ждешь красивую дырочку промеж своих очаровательных глазок?

Я бы с удовольствием объяснил ей, чего именно жду и каким образом планирую этого добиться, вот только горячку пороть не хотелось. Заставив себя успокоиться, спросил:

– На том корабле еще кто-нибудь был?

– Да, – охотно отозвался Татуированный. Ему как будто не терпелось выговориться. – Старый, пришибленный мект. Когда мы брали судно на abordаж, он все заламывал руки и скулил. Пришлось бросить в карцер, чтоб под ногами не путался.

Изма? Неужели?! Тот диалог между стариком и его хозяином мне все-таки не приснился?

– Он-то хотя бы жив? – на всякий случай уточнил я.

Здоровяк потер изрисованный подбородок:

– Судя по тому, что до сих пор скулит, думаю, жив.

Рыжая, внимательно впитывавшая каждое мое слово, подозрительно прищурилась:

– А ты чего так о нем печешься? Дружок твой?

Я неожиданно поймал себя на мысли, что не могу заставить разум воспринимать ее наглую, ухмыляющуюся, хоть и довольно привлекательное лицо дружелюбно. Капитан или нет, она из кожи вон лезла, чтобы показать, кто тут коман-

дует. Ну-ну.

– Возможно, мы знакомы, – ответил я и, поразмыслив, на всякий случай предложил: – Слушайте, прежде чем продолжим, может, уже вытащите меня отсюда? Достало голым барахтаться.

Очередной приступ неудержимого хохота был красноречивее любых слов.

– Думаешь, ты у нас тут в гостях, пупсик? – Рыжая приблизилась к капсуле вплотную и игриво поскребла неаккуратно обкусанным ногтем по стеклу. – Не обольщайся. И зубы заговорить мне тоже не думай. Дураки по эту сторону Рукава Риспель не выживают. Когда мы тебя нашли, ты уже плавал в жижке. Кто знает, зачем тебя сюда затолкали. Может, все дело в этой черной хрени, что из тебя сочится. Может, она заразна. А может, стоит колоссальных деньжищ. Как угадать?

Ее напускная кокетливость выглядела так же убого, как и этот самый трюм. Вероятно, она искренне верила в свою сексуальность, вот только не понимала границ и потому скатывалась в дешевую пошлость. Окажись в капсуле чуть больше места, я бы с радостью отпрянул. И вот что еще: похоже, сама по себе эта «черная хрень» дамочку не слишком удивляла. А это уже было нетипично и, главное, интересно.

– Ладно, – сказал я наконец. – Что вы намерены со мной делать?

Татуированный и Рыжая переглянулись.

– На самом деле, мы еще не пришли к единому мнению.

– Я думал, вы здесь главная? – Конечно, я бил наугад, но с большой долей уверенности.

– Я Альма Ком'ари, капитан, хозяйка «Плакальщицы» и большей части сектора Торра.

– А «Плакальщица», я так понимаю, это корабль, да?

– Правильно понимаешь, сосунок.

Я проглотил очередное оскорбление.

– Что вы сделали с захваченным судном?

– С той развалюхой-то? – поинтересовался Татуированный. – Готовим к отправке в утиль. Там даже ничего ценного, кроме этой самой капсулы. Убогая лодчонка и так разваливается на глазах. Не по себе от того, что она до сих пор пришвартована!

– *Дискха!*

Что означало это слово, я не понял, но судя по звонкой оплеухе, которой капитан Ком'ари угостила здоровяка, точно не комплимент.

Татуированный охнул, а я принялся собирать кусочки сведений воедино. Что-то более-менее осмысленное наконец-то начало вырисовываться. Пусть некоторые детали по-прежнему оставались в тени, я все же выяснил, что Изма и Аргус действительно были замешаны в этой истории. Если верить капитанше, мы находились где-то в секторе Торра, что буквально в нескольких часах лета от Ядра. Стало быть, Изма каким-то образом проследил за нами до Шуота, а ко-

гда эскадра Дианы скрылась, вытащил меня и Аргуса из разлома. Как все это удалось дряхлому тщедушному старику, для меня пока оставалось загадкой, но с деталями можно было разобраться позднее. Наверняка система обороны Шуота потрепала корабль Измы, вынудив того совершить прыжок в реальное пространство, где он и угодил в лапы к капитанше Ком'ари. Ладно, хоть жив все еще. Оставалось понять, как мог я слышать голос Аргуса, если на тот момент он был трупом?

– Так что вы намерены с нами делать? – спросил я снова. Ком'ари усмехнулась.

– Какой любопытный попался! Повторяю, не держи меня за дуру. Перед тем как дать команду уничтожить то ведро с гайками, я проверила записи бортового журнала и знаю, из каких краев вы на мою голову вывалились. Ядро. Ты и твои дружки были на Шуоте. О, не делай такие удивленные глазки! Каждая собака в этом краю наслышана об этом адском местечке. Как и о том, что ни один пилот с мозгами туда по доброй воле не сунется. Теперь скажи мне, леденец, кто ты все-таки такой и какого хрена забыл в самой гиблой дыре Галактики?

Что ж, это был очень неловкий момент, так как я не испытывал ни малейшего желания излить душу перед парой... разумников. По всему становилось видно, что их интересует только нажива, которую можно выгадать за мои показания... или за меня, как товар.

Я открыл рот, приготовившись выдать какую-нибудь правдоподобную, но безобидную чушь, но тут в трюм ворвался кое-кто еще – худощавый юноша расы анаки. У него отсутствовал один глаз, но на его месте красовался протез. Едва заметив меня, парень тут же замер, будто в невидимую стену впечатался.

С недовольной физиономией развернувшись к вошедшему, капитанша притопнула:

– Ну, говори уже!

Несколько раз моргнув, юноша опустил взгляд и забормотал:

– Капитан, кажется, у нас проблема.

– Что еще?

Прежде чем дать ответ, юный пират растерянно почесал косматый затылок:

– В общем, не могу связаться с командой.

Уперев руки в боки, Ком'ари осведомилась:

– Что значит, не можешь?

– Я проверил: все системы работают как надо, но парни не отвечают на запрос. Они уже почти час как возятся с захваченным судном. Наружные люки все еще открыты, герметичность не нарушена, а убедиться самостоятельно без вашего разрешения я не могу.

– Ну так иди и убедись!

– Слушаюсь!

– Мне пойти с ним? – вмешался Татуированный.

Капитанша махнула рукой, отпуская. Оба скрылись, а мы продолжили с того места, где были прерваны.

– Итак? Я жду твоих ответов.

– Не сомневаюсь. Могу я сначала поговорить с пленным мектом?

– Не можешь. Здесь я диктую условия. Или ты это еще не усвоил?

Надеясь, что маска не мешает считать улыбку по глазам, я ответил:

– Разумеется. И все же...

– Нет, не все же. Ты скажешь мне все, что я хочу, иначе... Да чтоб тебя! – Сигнал коммуникатора заставил капитаншу вздрогнуть. Сняв передатчик с пояса, она ответила на вызов: – Ну что еще, Зип?

Голос Татуированного, донесшийся из крошечного динамика, казался растерянным и напряженным:

– Салага прав – тут действительно нарисовалась проблема.

Я и Ком'ари переглянулись.

– Выкладывай, – велела она.

– Команда, что мы отправили уничтожить корыто... Как бы это сказать... в общем, она нашлась, но... немного по частям.

– По частям? – Выкрашенные в красный бровки соединились на переносице. – В каком смысле?

– Э-э... короче, их убили. Если быть точным, то расчле-

нили. Обезглавили, если совсем уже в деталях.

Лицо капитанши сделалось белым, а руки задрожали.

– Что значит обезглавили?! Кто?!

– Как раз выясняю. Свяжусь с тобой, когда найду что-нибудь.

Сообщение оборвалось, а Ком'ари все не отпускала коммуникатор. Ее заколотило, а взгляд очумело заметался по трюму. Судя по всему, внутри рыжей головушки закипела работа мысли. Меня же беспокоила ладонь, что все еще сжимала бластер, дуло которого опасно косилось в сторону капсулы...

– Капитан, – вежливо обратился я, – вы не могли бы не направлять на меня эту штуку.

Подняв на меня безумные глазищи, Ком'ари состроила такое лицо, будто ее внезапно осенило:

– Ты знаешь, что *там* происходит, не так ли?

Поскольку от ответа зависела моя дальнейшая судьба, пришлось подойти к нему со всей осторожностью. Стерев с лица всякий намек на улыбку, я выдал уклончивое, однако вполне честное:

– Возможно.

Ее правый глаз задергался.

– Возможно?

– Есть в голове пара догадок, но... Послушайте, капитан, вы сами сказали, что избавились от трупа.

– А при чем здесь труп?

Я помедлил. Нарочно. Ради драматизма, конечно.

– При том что он, похоже, не совсем уж и труп, – пояснил я слегка извиняющимся тоном. – С серыми стражами никогда не угадаешь...

Пришел черед второго глаза.

– Серый страж?! Ты издеваешься?!

Я развел руками.

– Ни в коем случае. Это он и есть. И если вы позволите мне все-таки выбраться, я постараюсь его урезонить.

От моих слов Ком'ари передернуло сильнее. Она отскочила от капсулы на добрый метр и заорала:

– Ах ты падаль! Так ты заодно с этими псами?!

Я поднял ладони, защищаясь:

– Нет-нет, капитан! Вы все не так поняли!

– Ага, конечно! Решили перескочить со своей ржавой рухляди на мое судно? Не выйдет! – Оскалившись, она подняла бластер и снова нацелила его на меня.

– Капитан, вы совершаете ошибку! Не надо!

Легче динетина уговорить перейти на овощную диету.

– Сладких снов, сосунок! Никто по тебе скучать не будет!

Что ж, выбора она мне не оставила.

Едва стало ясно, что выстрела не избежать, я заставил Те-ни, те самые, что сочились из моих ран, собраться в кулаке пульсирующим черно-синим сгустком. Я чувствовал намерения Ком'ари и в мгновение, которое потребовалось, чтобы ее указательный палец нажал на спусковой крючок, высво-

бодил накопленную энергию и уничтожил капсулу.

Грохот и звон разнеслись по трюму, всколыхнув стены. Стекланный дождь накрыл комнатку целиком. Кинетическая мощь удара отбросила дамочку к дальней переборке, нашипиговав острыми как кинжалы осколками.

– Простите, капитан, – сказал я, выбравшись из разбитой капсулы. Стекло громко хрустело под босыми ногами. – Вы не оставили мне выбора.

Глава 2

«Плакальщица»

Склизкая жижа и стекло были повсюду. Я хоть и старался ступать аккуратней, нескольким осколкам все же удалось впиться в пятки. Боли практически не ощущалось, лишь неприятное покалывание, но сам факт того, что к моему и так потрепанному облику добавилась еще пара порезов, настроения не улучшил. Я был дезориентирован, раздражен и, в окружении клубов зловещего черного дыма, чувствовал себя одним из тех страшненьких тотемных божков, которым поклоняются аборигены Дейфу.

Стараясь не поскользнуться на мокром полу и не убиться тут же ненароком, я осторожно приблизился к израненному телу капитанши Ком'ари и ненадолго замер. Я не надеялся застать ее живой – это было бы более чем глупо, – но мне все же хотелось кое в чем убедиться, понять свои чувства к содеянному. И то, как с этим смириться.

Я не собирался жалеть мертвую пиратку, но прежде мне всегда казалось, что нет ничего проще, чем договориться с собственной совестью. Своеобразная игра в поддавки, попытка победить в верю-не-верю. Все ставки известны, и ходы легко просчитать наперед. Но как быть, если ты сам себя

теперь не узнаешь?

Я стоял посреди трюма, рискуя временем и, вероятно, здоровьем, и старался отыскать в себе хоть какой-то намек на сочувствие к собственной жертве. Я смотрел, как кровь медленно струится из убитой плоскими темными лентами, растягиваясь, сбегает на пол и неохотно смешивается с прозрачным киселем, а в голове неоновой вывеской сияло лишь одно:

«Тебе все равно».

И внутренний голос ехидно зудит:

«Она же хотела прикончить тебя!»

А следом ответ:

«Конечно, ведь я ее сам спровоцировал!»

Может быть, невольно, но скорей всего подсознательно. Каждым взглядом, жестом и словом подталкивал к тому, чтобы проклятый спуск на проклятом бластере все же оказался нажат. И, разумеется, не было никакой возможности не отреагировать на угрозу. Зря, что ли, руки чесались? Мне всегда требовался ящик с запертым монстром, чтобы элементарно дать сдачи. Но что-то произошло, и ящика больше не стало. Монстра выпустили на свободу, а намордник ему нацепить забыли. Как говорят в таких случаях? Спасайся кто может!

Стоило обсохнуть, чадящие раны затянулись, будто и не было. Кожа вернулась к прежнему виду. Даже те темные пятна, что прежде покрывали кисти моих рук, растворились без

следа.

Так и не сумев выцедить из себя хоть каплю жалости к безвременно почившей Альме Ком'ари, я поежился от холода, медленно, но неотвратно подбиравшегося к моей голой заднице.

Досадно, что среди всего разнообразия хлама, накопившегося за годы пиратства, в трюме не отыскалось даже самой потертой накидки, только отрез старой тряпки, из которой удалось соорудить подобие набедренной повязки, прикрывавшей срам. Зато обнаружился открытый терминал, через который я довольно легко выяснил местоположение карцера: на средней палубе неподалеку от кают-компания. Чувствуя, как все мышцы подрагивают от переполнявшей их энергии, я скользнул презрительным взглядом по бластеру пиратки и, практически в чем Рас Гугса создал, отправился на поиски Измы.

Судно Ком'ари оказалось больше, чем я предполагал. Старый риоммский корвет, давным-давно списанный в утиль, ясное дело, уютностью обстановки похвастаться не мог. Тем более после того, как подвергся нескольким весьма топорным, даже на мой дилетантский взгляд, переделкам. И все же дрожь отвращения при виде разукрашенных разводами переборок и ощущении стойкого запаха застарелого пота не пробирала. Корабль был под стать хозяйке – знававший лучшие времена, но прежнего лоска при этом до конца не утративший.

По моим прикидкам количество экипажа на звездолете такого класса не должно было превышать шести человек, включая капитана. Но это если не брать в расчет с десятков членов банды Ком'ари, кои наверняка бродили где-то поблизости. Конечно, при условии, что некий внезапно оживший и взбесившийся мертвец не добрался до них раньше...

Судя по тому, что большая часть внутренних помещений тонула в искусственном полумраке, капитанша предпочитала интимную обстановку обычному освещению. По сути, это здорово играло мне на руку, поскольку при иных обстоятельствах в узких переходах спрятаться от потенциальной угрозы было бы непросто. С другой стороны, за то время, что я крался, пытаясь пробраться на среднюю палубу, мне так и не довелось столкнуться ни с одним из пиратов. И вообще, атмосфера внутри корвета сильно действовала на нервы. Не знай я обратного, подумал бы, что корабль заброшен.

– Эй!

Вот и напросился.

Услышав внезапный окрик, я замер на шаге. Будто подросток, которого поймали за самоудовлетворением.

– Ты что здесь делаешь, извращенец?

Я обернулся. Со стороны машинного отделения приближался низенький дородный курсу, ветошью утиравший чешуйчатую физиономию. С представителями расы низкорослых рептилий я был знаком не понаслышке, и как никто другой знал, чего стоит один такой разъяренный крепыш. Бла-

стера при нем не наблюдалось, зато на поясе болтался здоровенный разводной ключ.

– Я спросил, что ты здесь делаешь? – с нажимом повторил невысокий механик, а его чешуйчатая ладонь как бы невзначай легла на рукоятку ключа.

– О, здрасьте! – Судорожно перебирая в уме самую правдоподобную из отмазок, я изо всех сил тянул губы в непридуманной улыбке. – Я тут одежду пытаюсь найти. У вас здесь, случайно, не найдется чего-нибудь?

На такую откровенную чушь даже ребенок не купился бы, но в тот момент я был не в состоянии импровизировать.

– Откуда ты взялся, жопа в юбочке?

На всякий случай отвернув от механика филейную часть и не позволив тряпке сползти с бедер, я брякнул первое что на ум пришло:

– Капитан обещала подбросить.

Менее подозрительным выражение лица курсу от этого не стало.

– Серьезно? Прямо так? Гольшом?

Я энергично закивал. А что еще оставалось? Признаться в убийстве?

Но низкорослый механик, видимо, слишком хорошо соображал.

– И где же тогда она сама? Где капитан?

Я сглотнул. Разговор явно не клеился, а каждая секунда промедления была чревата еще более серьезными послед-

ствиями. Не ровен час, еще кто-нибудь нарисуеться, и вся надежда выбраться с наименьшими потерями пропадет втуне.

Понимая, что иного выбора нет, я с совершенно не наигранным сожалением выдохнул:

– Примерно там же, где и вы сейчас окажетесь.

Он, конечно же, не принял мои слова всерьез. Расхохотался в голос и снял-таки ключ с пояса – жест недвусмысленный, – напружинился и, будто на реактивной тяге, метнулся в мою сторону.

Я среагировал на угрозу в точности, как и до этого в трюме – выпустил теньевые побеги и нацелил их в сторону атакующего. В полумраке узкого коридорчика темные эманации, источаемые моим телом, казались практически неразличимыми, так что курсу даже не понял, когда они обвились вокруг его толстой шеи. Много усилий не потребовалось. Механик хоть и был крепок как бетонный столб, но с чистой мощью Теней сдюжить не мог. Шея его переломилась с хрустом, напоминая битое стекло. Когда он затих, я не придумал ничего лучше, чем сказать:

– Мне очень-очень жаль.

Труп я спрятал в машинном отделении, а вход туда запечатал. Утерев вспотевший лоб, пробормотал себе под нос:

– Пора начинать вести счет, Риши.

Кто знает, скольким еще придется свернуть шею. Но сам факт того, что я готов это делать практически без зазрения совести, внушал нешуточный дискомфорт. Как будто в голо-

ву подселили шепчущего червя, где он непрерывно извивался, шелестя: «Монстр, монстр, монстр».

Стараясь игнорировать мерзкий голосок, я забрался в лифт и поднялся к верхним палубам. По законам жанра именно там меня и должны были поджидать главные неприятности. Но когда створки разъехались, позволив мне выйти в коридор со зловеще мигавшими лампочками, ничего сверхнеожиданного не случилось. В атаку никто не бросился и палить никто не спешил. Не мешкая, я метнулся к дверям, за которыми, по данным бортового ИскИна, удерживали Изму.

Охраны не наблюдалось. Что, учитывая восставшего из мертвых стража, выглядело даже более чем логично. Признанный мастер в искусстве убивать, Аргус, вполне вероятно, уже очистил «Плакальщицу» от ее команды.

Быстро отогнав мрачные мысли, я присмотрелся к замку. Тот оказался не из вредных. Парочка несложных манипуляций Тенями, и вот тяжелый люк гостеприимно распахнут – выходи на здоровье!

Однако навстречу свободе никто не спешил.

– Изма? – позвал я, приблизившись к входу. – Вы тут?

Внутри было темно и тихо, а в воздухе витал запах смерти.

Остатки благоразумия, еще не до конца выбитые Шуотом, удержали меня от того, чтобы переступить комингс. Тени, окутывавшие мое тело невидимым плащом, шептали, что внутри что-то есть и это что-то нельзя назвать живым.

– Изма? – зачем-то повторил я.

А когда не услышал ответа, плюнул на все и рискнул войти внутрь тесной клетушки. Фонарика не хватало, но привыкшие к темноте глаза сумели различить округлый предмет, покоившийся на единственном лежаке. Тесное общение с Аргусом простора для воображения не оставило, так что отрубленной голове я практически не удивился. Негромко выругался, конечно. Да и то лишь потому, что не привык заглядывать в лицо мертвякам. Особенно если был знаком с ними при жизни.

– Ну как тебе?

Внезапный вопрос у самого уха заставил меня вздрогнуть. Резко крутанувшись на месте, я ткнулся носом в показавшуюся каменной грудь бывшего стража. Тот стоял невозмутимой глыбой и внимательно разглядывал меня с высоты своего почти двухметрового роста.

– Что за шутки?! – выпалил я, отступив.

Черная бровь на бескровном лице Ди Аргуса чуть приподнялась, в глазах, по-прежнему блестящих расплавленным серебром, отразилась смешинка.

– Мастер Риши, нельзя ли потише? – Кислой миной Измы, выглянувшего из-за широкого плеча стража, можно было детей пугать.

Сердце колотилось где-то в районе глотки, так что справиться с голосом удалось далеко не сразу.

– Чего подкрадываетесь? Я же помереть мог!

– Но не помер, как видно. – Внимательно оглядев меня и

лишь на миг задержавшись на набедренной повязке, Аргус спросил: – Как твои раны?

Собственная нагота меня никогда не смущала, но под пристальным вниманием стража почему-то захотелось одеться. Стараясь скрыть неловкость, я обхватил себя руками и про-
бормотал:

– Нормально. Чего о тебе, кстати, не скажешь.

Одежда стража блестела от свежей крови и почти не скрывала отталкивающего вида дыры посреди торса. Оставленная тетийской энергопикой сквозная рана едва начала затягиваться. Как он мог при этом говорить, ходить и убивать, оставалось загадкой.

Впрочем, было еще кое-что, о чем следовало подумать:

– Как вы здесь оказались? Господи, как *мы* все *здесь* оказались? Откуда взялся этот корабль? Почему мы не на Шуоте? Что вообще творится вокруг? И почему ты, гнарк побере-
ри, жив?!

– Последний факт, мастер Риши, вас будто бы удручает. – Судя по чванливому тону, Изма увидел в моих словах оскорбление.

Это задело. В конце концов, разве я хоть раз давал повод так думать? Хотя если припомнить все обстоятельства нашего знакомства...

Но Аргус не дал мне времени на размышления и, бросив короткое «поговорим в рубке», вышел в коридор.

Оказавшись в тесной, но на удивление чистой рубке с эллипсоидным обзорным окном и видом на холодный космический простор, я снова столкнулся с Аргусом, настойчиво толкавшим мне в руки кипу тряпья.

– Надень.

Без долгих раздумий я с благодарностью нацепил на себя просторную рубаху и штаны защитного окраса. Когда же влез ногами в удобные, мягкие тапочки, вопрос вырвался сам собой:

– Откуда это здесь?

Аргус не ответил, лишь поправил оплетку так, чтобы страшная рана не бросалась в глаза, и по-хозяйски устроился в кресле пилота. Склонившись над панелью управления, он быстро вбил данные в навигационный компьютер. Я предположил, что очередное путешествие не заставит себя ждать, однако Изма, вкатившийся в рубку следом за нами, развеял эти догадки как дым.

– Хозяин, может, все-таки бросим корабль, и дело с концом? К чему все эти сложности?

Аргус возразил:

– Мы наследили.

– Но разве это имеет значение? Какова вероятность, что судно вообще когда-нибудь найдут?

– Я не оставлю и шанса.

Звучало многозначительно, несмотря на то, что я не совсем понимал, о чем именно речь. Нет, о том, что лучше,

если Галактика продолжить считать нас мертвецами, додуматься было несложно. Но чего в моей голове не укладывалось, так это почему Аргус уверен, что команда Альмы Ком'ари никому не обмолвилась о подобранной развалюхе с трупом, стариком-мектом и парнем в банке?

С удобством устроившись в одном из кресел, я решил прояснить этот момент.

– А как насчет сигнала о помощи? Не могли пираты его отправить?

Аргус сказал как отрезал:

– Нет.

– Уверен? Когда я разговаривал с местной капитаншей, она не показалась мне такой уж дурой. Вполне могла нагадать перед смертью. – И тут же напомнив себе, кто именно ее убил, прибавил: – Или доверить это дело кому-то из команды.

– Никто никуда ничего не отправлял.

По голосу было слышно, что терпение стража на исходе, но я не мог заставить себя заткнуться. Важным казалось именно сейчас уточнить все неясности и услышать ответы на вопросы, терзавшие меня еще с момента пробуждения.

– Так ты убил всех, кто был на борту?

– А ты сомневаешься?

Решив, что это риторический вопрос, я развернул кресло к Изме, усиленно избегавшего смотреть мне в лицо, и целиком отдался во власть любимому делу. А конкретно: сам на-

чал сыпать вопросами.

– Изма, это ведь вы забрали нас с Шуота, верно? Как вам это удалось? Без точных координат на планету юхани не попасть, а я уверен, что не оставил ни одной копии, когда мы улетали с Бойджи.

Прежде чем хотя бы просто открыть рот, аргусовский слуга долго пялился на затылок хозяина и только потом, с его молчаливого согласия, проговорил:

– Все так, мастер Риши. Но я полагаю, это был не единственный способ добраться туда. В моем случае сработал приводной маячок, вшитый в пояс хозяина. И прежде чем вы спросите, – это был приказ. Я не всегда шпионю. Однако перед тем как отправиться с вами, той шаманкой и тейтисской леди, хозяин потребовал, чтобы я тщательно отслеживал маршрут и в случае необходимости мог прилететь за ним, куда бы его ни занесло.

– Так ты знал, что сделка с Дианой не состоится? – обратился я к спине стража.

– Предвидел.

Вот как? А это уже был поворот позанятней. Я, разумеется, никогда не держал Аргуса за идиота, тем не менее привык считать его чуть более прямолинейным. В прошлом каждое наше столкновение лишь укрепляло это предположение, а теперь...

– Раз так, то зачем вообще согласился на нее? Лишний раз жизнью рискнуть захотелось?

Последовала пауза, во время которой слышался только писк корабельных систем.

– Чтобы избавиться от шаманки, – наконец изрек он.

Это был ответ, который застал меня врасплох. Нет, я прекрасно знал, что между Тассией Руэ и Аргусом отношения складывались далеко не самые теплые, и то, что один был серым стражем, а другая – из лейров, лишь усложняло общую картину. И все же у меня не получалось понять, как это могло стать причиной?

– И все? – Я ничего не добавил, но Аргус, без сомнения, понял, что именно было вложено в этот вопрос.

– Не все, – качнул черноволосой головой он. – Я должен был защитить тебя. Цена меня не волновала.

– Бред! – фыркнул я и откинулся на спинку кресла. Возможно, не следовало переходить на чересчур резкий тон, но ответ стража не оставил мне выбора. – Тассия меньше чем кто-либо желала мне вреда. В отличие от Дианы, которая, если ты не заметил, провела тебя, как сопляка.

– Мастер Риши! – возмущенно воскликнул мект. – Выберите выражения, пожалуйста!

– Изма, помолчи. – Негромкая просьба Аргуса заставила мекта втянуть голову в плечи. – Риши, я не собираюсь снижать степень ошибки, которую допустил, доверившись леди Орре. И все же своего я добился: шаманка мертва, а ты – нет. И оба мы сейчас вдали от Шуота.

Против таких аргументов возразить было нечего. Застыв с

приоткрытым ртом, я старался игнорировать самодовольное выражение, расцветшее на лице старого ящера. И все же...

– А то, что тебя продырявили насквозь тоже частью плана считать?

Аргус выпрямился, застыв на мгновение.

– Ты же не думал, что я погиб? – спросил он до странного напряженным тоном.

Вообще-то, именно так я и думал. Знал, конечно, о его способности выживать в самых критических ситуациях, воочию видел регенеративные умения, и все же не предполагал, что при перерезанной глотке и сквозной дыре посреди торса, он и дальше будет чувствовать себя как ни в чем не бывало.

– Я даже пытался соорудить для вас с Тассией что-то вроде кургана, пока...

Изма аж руками всплеснул:

– Звезды благие, он вас похоронить собирался! Хозяин... Молчу-молчу!

– Пока – *что?* – Аргус даже кресло развернуть изволил.

– Пока, – продолжил я под его гипнотическим взглядом, – плато не обвалилось.

В очередной раз меня накрыло волной впечатлений, связанных с тем роковым моментом, из-за которого я и выпал из круговорота событий. Я до сих пор не знал, сколько времени провел в отключке, и почему не разбился насмерть, тогда как все указывало на то, что должен был. Нельзя свалиться с

двадцатиметровой высоты, приземляясь при этом на скалы, и отделаться легким сотрясением мозга и парой ссадин. Нет, тут крылось что-то еще... Тени? Я ненароком глянул на едва видимый шрам, оставшийся на запястье от некогда глубокого и дымящегося пореза.

– Риши? – Внимательные глаза стража, казалось, прожигали насквозь.

– Ты вытащил меня из провала?

Немного помедлив, Аргус кивнул.

– Расскажи, – попросил я.

Изма тут же вклинился:

– Хозяин, должен вам напомнить, что времени у нас совсем чуть-чуть. Может, оставим разговоры по душам на потом?

Я ожидал, что Аргус, как обычно, заставит старика заткнуться, но ошибся. Вместо этого страж какое-то время смотрел на меня, а затем развернул кресло и возобновил программирование курса. Изма же, наоборот, казалось, все внимание сосредоточил на моей скромной персоне.

Несмотря на посвященность в редкие знания и тайны, о которых многие не смели бы и мечтать, старый мект в глубине души оставался закоснелым провинциалом. Его не интересовала истина, лишь собственные убеждения. Он верил в то, во что верить привык, и вряд ли был открыт для дискуссии на эту тему. Таких, как он не волновало, что устоявшиеся каноны и реальное положение вещей не всегда равнялись

друг другу. Их вели убеждения. А факты... они для слабых духом, видимо.

Подтянув ногу к груди, я опустил подбородок на согнутое колено и невинно поинтересовался:

– Изма, вы почему-то боитесь меня, не так ли?

Мект замер и несколько секунд просто хлопал своими желтыми глазами.

– С чего вы взяли, мастер Риши?

– У тебя на лице все написано, – бросил Аргус, не оборачиваясь.

Я улыбнулся. Изма порозовел, в мектовском эквиваленте, конечно же.

– Все немного не так, как кажется, – проговорил он, совсем опустив голову.

– В смысле? – не преминул уточнить я.

– Помни, о чем я тебя предупреждал, – между тем вставил Аргус, на что Изма со всем подобострастием ответил:

– Да-да, конечно!

Я почувствовал себя полнейшим кретином, абсолютно не понимающим, о чем речь. Казалось, эти двое нарочно условились разговаривать недомолвками.

– О чем ты его предупреждал? Ди?

Услышав собственное имя, Аргус в очередной раз впал в кратковременный ступор, а когда взял себя в руки, все так же не оборачиваясь и с некоторой натугой проговорил:

– Ты уверен, что не ощущаешь разницы с тем, что было до

твоего падения в каверну и после пробуждения в капсуле?

Было сложно не заметить, как Изма изумленно вытаращил глаза.

– Хозяин, вы же сами ска...

– Тихо! – приказал Аргус и обратил свой взор на меня: – Риши, ответь.

Учитывая внезапность и определенную долю неуместности, подобрать ответ, которого он требовал, оказалось не так-то легко. А если учесть, что я понятия не имел, к чему и для чего столь странный вопрос был задан, то все вообще превращалось в абстракцию. Складывалось впечатление, будто Аргус начал некую игру, о правилах которой не удалось предупредить. Игры меня никогда не волновали. Чего нельзя сказать о мотивах тех, кто ими увлекался. Из любопытства я решил подумать над его вопросом.

Едва ступив на путь постижения собственной силы, я никак не мог отделаться от ощущения, будто меня разделили напополам. словно под человеческой оболочкой, созданной в лаборатории на Яртелле, одновременно существовали два начала: непосредственное Эго и Оно – чудовище, прозванное Истоком. Вторая половина служила источником мощи, а также щитом, за которым я мог свободно прятаться, когда того требовала трусливая первая. Зверь обитал в ящике, и я изо всех сил старался его приручить. Невзирая на заверения знающих, вроде шаманки или Хранителя Алого озера, утверждавших, что зверь этот – такая же естественная часть

меня самого, как рука или нога, я продолжал действовать по-своему. Мне думалось, они не понимают, о чем говорят. Но глядя в такие же холодные и блестящие, как звезды за иллюминатором, глаза Аргуса, я начал осознавать, насколько сильно ошибался все это время: чудовища не существовало. Вместо него был лишь страх – абстракция черного монстра, выдуманного подсознанием для объяснения ограничителей, поставленных доктором Гугсой. Я не осознавал их, но всегда принимал за гвозди, которые мне против воли вбили в виски. Эта ментальная тяжесть никогда не исчезала.

До момента, как я открыл глаза в капсуле...

– Погоди-ка, – выдохнул я, чувствуя неприятный холодок, прокатившийся вниз по спине. – Ди, как мне удалось пережить падение?

Прежде чем ответить, Аргус несколько секунд просто глядел на меня с абсолютно нечитаемым выражением, словно взвешивал что-то в уме.

– Тени не умирают, Риши, – сказал он спустя миг.

Ответ был неискренним, и это подтвердил Изма, когда шумно выпустил воздух из легких и спешно отвел глаза в сторону. Врать оба то ли не умели, то ли не хотели уметь. Но я не стал допытываться, придя к выводу, что каждый имеет право на недомолвки.

Опустив взгляд на ладони, я обнаружил уже успевшую стать привычной черную дымку, змеившуюся меж кончиков пальцев без какого-либо содействия с моей стороны. Спря-

тав руки за спину, пока никто не успел обратить внимания, я постарался очистить сознание от ментальных миазмов и поинтересовался:

– Как долго мы здесь пробудем?

– Я закончил, – сказал Аргус, выбираясь из-за панели. – Можем улетать. Об остальном ИскИн позаботится.

– Об остальном?

– Я перепрограммировал автопилот «Плакальщицы» и вместо того, чтобы отыскать ближайшую обитаемую планету, она упадет прямо на звезду.

– А нет корабля... – начал я.

– ...Нет и улик, – закончил Изма, глядя на стража с неподдельным восхищением. – Весьма недурно придумано, хозяин.

– Спасибо. – Если Аргус и хотел показаться польщенным, то старался для этого из рук вон плохо. Невозмутимое выражение на его лице не потеплело ни на градус, хотя Изму это как будто не задело.

Покинув рубку, мы нацелились на стыковочный отсек, к которому по-прежнему был пришвартован звездолет, выбранный Измой для путешествия на Шуот. Если верить капитанше и Татуированному, кораблик был тем еще мусором, что, в общем-то, не помешало пиратам, себе же во вред, клюнуть на него. Аргус шагал впереди, я – за ним, а Изме выпало завершать нашу скромную группу. Отчего он не был в восторге, учитывая, что нам пришлось пересечь кают-ком-

панию, в буквальном смысле забитую трупами под завязку.

– Зачем вообще было сюда их стаскивать? – спросил я, помимо воли столкнувшись взглядом с тем одноглазым анакийским парнишкой, что на секунду появлялся в трюме.

– Так было нужно. – Аргус даже не думал замедлять широкого шага.

Но я не собирался униматься. По большей степени мне на убитых, конечно же, было плевать, но того парнишку оказалось по-настоящему жалко. Трудно представить, чем он мог заслужить такую участь.

– Кому нужно?

– Мастер Риши, – прошептал мне на ухо Изма, – не надо вопросов об этом. Просто идите.

Однако Аргус уже остановился, развернулся и вперил в меня свои обжигающе-холодные прожекторы:

– Смерть – мое ремесло, Риши. В прямом и переносном смысле. Я существую, чтобы убивать, и знаю, как это сделать бесчисленным количеством способов. Но, помимо этого, я также знаю, что к своим жертвам нельзя относиться непочтительно. Даже собираясь сжечь их в пламени солнца, я не мог позволить телам валяться где попало.

– Но голову Татуированного ты в камеру Измы подбросил, – напомнил я, игнорируя тошнотворный запах ржавчины, с которым не справлялись фильтры вентиляции.

Аргус стоял почти вплотную и смотрел сверху вниз чуть ли не с весельем. Ему нравилось, что я задаю вопросы!

– У каждого поступка есть причина, Риши.

– Например? Напугать меня до полусмерти? – Прячась за звонкостью, я всеми силами старался заглушить голос совести, настойчиво шептавший, что даже в бывшем сером страже отыскалось куда больше сострадания, чем нашел в себе я, когда перешагнул через труп капитанши.

Аргус меня раскусил. Выгнув бровь, он спросил:

– А ты испугался?

Разумеется, я соврал.

– Значит, причина была иной, – подвел итог страж, склонив голову набок. Стало ясно, что он ни на секунду мне не поверил.

Я же не унимался:

– Так какой же?

Внезапно вместо Аргуса ответил мне Изма:

– Мастер Риши, не знаю, насколько давно, но у вас появилась некоторая склонность следовать за смертью по пятам. Хозяин Ди как-то сказал, что вы с самого рождения обладали навыками эдакой ищейки, интуитивно могли найти все что угодно.

В ответ я лишь пожал плечами, мол, было дело. Ну и что с того?

– Что ж, как выяснилось, эта ваша способность и на метафизический аспект убийства распространяется. Вас в буквальном смысле тянет по следам смерти.

– И вы проверяли меня таким образом? – Я ненароком

вернулся взглядом к бедному анаки и чуть не уронил на пол челюсть, когда он подмигнул мне остекленевшим глазом. Без сомнения, то был лишь оптический обман, но настолько реалистичный, что я в него почти поверил. Еще раз глянув на свои дымящиеся руки, я вспомнил о том, что на свете не существовало силы, способной возвращать кого бы то ни было из небытия. – А не хотите ли вы намекнуть, будто это случилось после Шуота?

– Не хотим, – отрезал Аргус.

– И не будем, – кивнул Изма. – Но вам следует чуть больше внимания уделять своим способностям. Особенно учитывая, *что* вам удалось выяснить на дне Алого озера.

Последнее замечание заставило меня почувствовать неловкость.

– Откуда вам известно про озеро, Изма? – И тут же перевел взгляд на Аргуса: – Это ты ему сказал?

Повисла неловкая пауза. Загадочно улыбнувшись, Изма извинился и, снова встопортив усики-чешуйки, первым проскользнул через шлюзовой затвор. Мы с Аргусом остались наедине. Не считая убитых, разумеется.

– Зачем ты ему сказал?

– Так было нужно. – Повторяя свой прежний ответ, страж будто нарочно меня провоцировал. Но вот на что?

– Серьезно? Я и не планировал что-то скрывать, но...

– Тебя удручает, что со своей прислугой я откровенней, чем с тобой?

Это была ерунда чистой воды, но лицо все-таки залило предательской краской.

– Ничего подобного! Просто я...

– Ты мне не доверяешь, Риши, и я это знаю. – Голос Аргуса звучал ровно, почти холодно. – Может быть, даже заслуживаю немного. Но, пожалуйста, не решай за меня, кому *мне* следует доверять.

Он что, обиделся?

– Я и не пытался! – Я ждал хоть какого-то намека, хоть чего-нибудь, что подсказало бы, какие эмоции скрываются за этим неприступным выражением, но только зря старался. Все, чего дождался – едва слышный смешок.

– Идем, – бросил Аргус и тут же исчез в переходе.

Еще раз прокрутив в голове нелепый диалог, я вдруг понял, что так и не рассказал ему о том, как выбрался из капсулы и кому пришлось заплатить за это своими жизнями. Если с механиком все было более-менее понятно, то личность капитанши не могла ускользнуть от бдительного ока Ди Аргуса. А раз так, то почему он сам о ней не спросил? Надеялся на обратную откровенность? Или в очередной раз прощупывал почву? Я полагал, что с момента гибели брата, хотя бы недомолвок в моей жизни станет меньше. Как же я ошибался.

В итоге решив, что какое-то время сумею прожить без ответов, я бросил последний взгляд на труп юного анаки и шепнул:

– Мне жаль, что так вышло.

Глава 3

Обратно в мир живых

Судно, выбранное Измой для полета на Шуот, и впрямь оказалось тем еще мусором. Старая четырехместная развалина, некогда гордо звавшаяся яхтой, выглядела как дротик, посаженный на бабочку с двигателями – тесная коническая кабина, в кольце четырех плоскостей. Я таких не встречал, даже когда жил на Семерке (а на той помойке какой только хлам не собирался), и потому не уставал удивляться, что подобной рухляди нашлось место среди достойного парка звездолетов семейства Занди.

– Я исходил из практических соображений, молодой господин, – огрызнулся Изма, когда я порядком его достал. – Выбирал наименее приметный транспорт.

– Может, стоило выбрать наименее медленный? Внимание пиратов он все-таки привлек.

– А он и был быстр, – ответил мект, сконфузившись, – пока мне не пришлось пробираться через орбитальную защиту Шуота. Я пилот неплохой, знаете ли, но до мастерства хозяина мне далеко. Чудо, что вообще удалось приземлиться. Несколько чуть более точных попаданий, и корабль уже бы никогда не взлетел с поверхности планеты, а мы все померли.

– Думаю, ваш хозяин выжил бы и в этом случае, – заметил я, со стороны наблюдая за работой Аргуса у штурвала. Процесс расстыковки завершился, и теперь нам предстояло проводить «Плакальщицу» в последний путь.

– Если распылить меня на атомы взрывом, то обратно я не соберусь, – вставил страж, между делом удаленно запуская двигатели пиратского корвета.

Мы с Измой переглянулись, но от комментариев предпочли воздержаться. Каждый в меру своих причин. Меня не отпускала история с падением в каверну и последующим «чудесным» спасением, а какие мысли терзали разум старика, угадать было нелегко. Вполне возможно, он пребывал в плену собственных страхов, и дожидаться не мог возвращения домой.

Кстати, о возвращении. Мне не пришлось ломать голову, куда направится наша скромная компания после того, как «Плакальщица» испарится в огненных всполохах местного солнца. Что Изма, что Аргус домом называли лишь одну планету – Боиджию. Мой же дом был уничтожен Черной эскадрой Дианы. Впрочем, о том, куда лететь хочу я, никто не спрашивал. А я и не жаловался. В конце концов, Боиджия вполне могла сойти за редкую деталь прошлого, пережившую мое путешествие на Шуот без изменений. Эдакий зеленый островок постоянства посреди мутного океана неопределенности. И на том, как говорится, спасибо.

Двигатели развалюхи ожили, отчего рубку затрясло. Вце-

пившись в подлокотники кресла, я спросил:

– Вы уверены, что на нем еще можно летать?

Аргус не отреагировал, легко уводя корабль подальше от «Плакальщицы», а Изма подарил мне одну из своих ехидных улыбочек:

– Уж не боитесь ли вы, мастер Риши?

Искоса глянув на старика, я нервно выдохнул.

– А что, похоже?

– Я почему-то считал, будто Исток не подвержен людским слабостям. Хотя бы большей их части.

– Людским? – Я прищурился.

– В широком смысле, конечно же, – взмахнул рукой он, отчего у меня сложилось стойкое впечатление, будто надо мной издеваются. Робкий и тихий Изма? Похоже, еще большой вопрос, кого и насколько изменил Шуот.

– О! Ну, что ж, будучи Истоком, могу вас заверить, что любые слабости, свойственные живым существам, свойственны и мне тоже. Боязнь чего бы то ни было не исключение.

Ответная улыбка и нараспев сказанное «какой же нежный монстр» только подтвердили подозрения.

– Изма, не доставай его, – бросил Аргус.

Прямому приказу слуга перечить не осмелился, но я вовсе не противился подобным подначкам. Наоборот, было крайне интересно знать, что думают обо мне те, кто ничего от меня не ждет. По крайней мере, в искренности таких персонажей

труднее всего усомниться.

– Все нормально, – сказал я. – Он не достает. Даже весело, пожалуй. Отвлекает от мыслей, что мы сейчас делаем.

Ничего, кроме молчания, мои слова не вызвали.

Дрожь палубы упала практически до нуля, двигатели гудели ровно, что утешало, а за иллюминатором корвет капитанши Ком'ари набирал ход напрямиком на звезду. Наша лодочка не отставала от него до тех пор, пока близость солнца не оказалась опасной. Тогда Аргус сбавил ход и скрыл обзорное окно за поляризационным фильтром.

Никогда не думал, что медленно сгоравший в потоках плазмы корабль будет так сильно беречь мне душу. «Плакальщица» таяла, как свечка, слой за слоем отдавая себя прямо в ненасытные пасти протуберанцев, набрасывавшихся на нее хищной стаей. Благо длилось все недолго. В один из моментов очередной газовый взрыв просто смахнул корабль с горизонта. Свидетельство наших кровавых деяний испарилось. Гигант пожрал мошку и даже не заметил этого.

Хотелось что-нибудь сказать, но слов не нашлось. В голове стоял кавардак, и мысли путались, словно времена, когда я не понимал сам себя, никуда не ушли.

«Почему так переживаю из-за того, что сделал серый страж, но вот собственноручно совершенные убийства меня не волнуют?»

Почти в то же мгновение ладонь снова начала испускать зловеющий черный дым.

– Риши, пристегнись, – попросил Аргус. – Мы прыгаем в гипер.

Я мельком глянул в сторону Измы и сделал, как было велено. Ощущение своеобразной необоснованности произошедшего меня при этом не покидало. Будто в самом событии пряталась подсказка, которую еще только предстояло найти. Словно существовала некая связь между случившимся на борту «Плакальщицы» и историей, пережитой нами на Шутоте. Кто знает, был ли в этом хоть какой-нибудь смысл, но я не привык отмахиваться от настойчиво зудящего в ухо предчувствия. Всю свою жизнь на него полагался. На него и брата. Пока последнего не стало.

– Как все же вышло, что мы попали в лапы пиратов? – спросил я Изму.

Едва услышав вопрос, старик вздрогнул и тут же тихонечко выдохнул в сторону:

– Во имя юхани, опять... Хозяин, он не унимается.

– И что ты мне предлагаешь? – спросил Аргус. Яхта плыла по одному из заданных гиперпространственных течений, но страж и не думал выбираться из-за штурвала. Его взгляд сосредоточился на искаженной световой ряби за иллюминатором, и, может быть, потому голос звучал отстраненней обычного. – Спеть ему колыбельную?

– Или рассказать, как все было, – предложил я. – Тоже вариант.

– И мы рассказали! – Изма вспылил, что, в общем, было

ожидаемо. Откуда у него на это мужества набралось, я не знаю, но выглядело довольно эффектно.

Впрочем, сам я ему подыгрывать не стал, невозмутимо продолжив:

– Нет. Вы лишь дали несколько общих ответов. А мне нужны подробности.

Слуга уселся обратно и раздраженно зафыркал. Я же ждал реакции его хозяина, которая вышла малость неожиданной. Аргус засмеялся. Негромко и сухо. Но этот смех пробрал меня до самых костей.

– Изма, ты забываешь, что наш друг – истинный сыщик, и потому уделяет особо пристальное внимание деталям.

– Почему-то мне чудится насмешка, – заметил я слегка напряженным тоном, переведя взгляд на косматый затылок.

– Отнюдь, – возразил Аргус. – Я, как никто, ценю эту твою... особенность. Со временем, надеюсь, ты поймешь почему.

– Зачем же ждать? Ты можешь рассказать все сейчас. Я внимаю.

Но Аргуса было не пронять. В него будто вселился дух Тассии Руэ. Менторский тон и речь, полная бессмысленной недосказанности, – черты, бесившие меня еще в шаманке.

– Есть вещи, время раскрытия которых почти так же важно, как и их суть.

На всякий случай я предупредил:

– Ди, если вы вдвоем затеяли какую-то игру, то знай, что

никому от этого пользы не будет.

Он все же удостоил меня косым взглядом:

– Я никогда не играл с тобой, Риши. Я никогда не лгал тебе. И ты сам это знаешь.

Что ж, с этим было не поспорить.

С тех пор как привез меня на Тиссан, Аргус только и занимался тем, что пытался втолковать мне истину. Именно от него я узнал все детали своего происхождения. О прошлой жизни старшего брата, на самом деле оказавшегося беглым серым стражем и донором ДНК-материала для создания Истока. Аргус открыл мои глаза на связь тетийского советника Тулпара с Орденом куатов. Он же избавил меня от поисков инфочипа Желтого Малыша и сопровождал до самого Шуота. Без его намеков и подсказок я бы ни за что не отыскал Гробницы юхани. Разумеется, страж манипулировал мной. Однако в отличие от моих так называемых друзей, он видел во мне нечто большее, чем оружие массового поражения. Он видел в синтезе разумника. И если уж после этого не заслуживает доверия, то кто тогда?

– Одного вашего спасения с Шуота более чем достаточно, чтобы благодарить нас, мастер Риши, – надменно прошеле-стел Изма, сцепив ладони на животе.

– Может, и так, – уклончиво проговорил я, теребя воротник рубахи. – Только я не уверен, что все это было сделано из чистого альтруизма.

– Альтруизма? – Старик хохотнул. – Да кто вообще сейчас

делает что-либо за просто так?

Вопрос справедливый, и у меня не было на него прямого ответа.

Пока Аргус вдруг не припечатал:

– Я.

– Х-хозяин? – Изма смутился. Всю его чванливость, точно солнечным ветром сдуло – не осталось даже намека. Вытаращив холодные рептильи глазки, старый мект уставился на своего повелителя так, будто тот только что бросил ему в лицо вольную.

– Я сделал это потому, что ты нуждался в помощи, – сказал Аргус, глядя лишь на меня.

Мою растерянность можно было сравнить с изумлением Измы, после слов стража, едва не подавившегося воздухом.

– Но... почему? – спросил я севшим голосом.

Аргус выгнул бровь:

– А ты бы так не поступил?

Я сглотнул. Честнее было бы сказать, что я понятия не имею, как бы поступил в похожей ситуации. Но Аргус смотрел с такой уверенностью, что я вообще оказался не в силах вымолвить хоть слово. Позорно промолчав, я разорвал зрительный контакт и в то же мгновение почувствовал, будто температура внутри рубки упала на несколько градусов. Обхватив себя трясущимися руками, я уставился в пол. Находиться в обществе бывшего стража и его слуги вдруг стало невыносимо. Словно занимал чужое место, некоего другого

Риши, которого они знали, а я – нет.

Шепоток Теней, лениво струящихся мимо, бросал красноречивые намеки на настроение каждого, кто находился в рубке, буквально подталкивая мне прислушаться к нему. Но я не горел желанием влезать в личные тайны Аргуса или его верного слуги. Невзирая на репутацию весьма любопытного субъекта, я всегда избегал лезть кому-нибудь в душу. Хоть и готов признать, что порой отмахнуться от назойливого фона, было попросту невозможно. Мухой-песчанкой шепот этот щекотал уши, пробирался все глубже, заигрывая с восприятием, и иногда начинал говорить голосом того, чьим мыслям принадлежал. Я не хотел знать, что Изме не нравится то чрезмерное внимание, каким его хозяин окружает меня с первого дня знакомства. Он считал мое спасение с Шута бессмысленной затеей, в будущем способной обратиться крупными неприятностями. Старик совершенно точно боялся меня... и того, что я могу с ним сделать, если ему вздумается перейти мне дорогу. Последняя деталь читалась особенно ярко и куда сильнее заставляла воспринимать себя как монстра, чем все настороженные взгляды и язвительные речи, которыми Изма не брезговал награждать меня всякий раз при личной беседе.

С Аргусом в этом плане все обстояло одновременно и проще, и сложнее.

Его ментальный центр вообще не поддавался осмыслению и скорей напоминал камень, чем скопление живых нейронов.

Вряд ли ошибусь, предположив, что серых стражей подвергали жестким психическим тренировкам, с помощью которых они и умудрялись скрывать свое присутствие в потоках Теней. Однако, как я недавно понял, даже среди бывших собратьев Аргус считался уникальным. Так в чем же причина? В сознательном сокрытии чувств и эмоций или же в неспособности таковые испытывать?

– Риши, ты же знаешь, и я тоже могу кое-что улавливать, – вдруг сказал он, не оборачиваясь. – Твое внимание мне, безусловно, льстит, но в данный момент отвлекает.

– Я не нарочно.

– Я знаю. – Его ровный, отчасти немного довольный тон лишь усилил дискомфорт.

Аргус, как никто из ныне живущих, знал о моей острой неспособности пройти мимо головоломки или вопроса, на который нельзя получить ответ здесь и сейчас. Он понимал, каких усилий мне стоило не использовать Тени и не вламываться в незащищенное сознание Измы, чтобы выцарапать оттуда все сведения, какие только пожелаю. Бывший страж ни секунды не сомневался в моих возможностях и тем не менее предоставил выбор. Он позволил мне решать, стоят эти ответы моих моральных принципов вместе с чудовищной головной болью Измы или нет? И ждал, как я поступлю.

Вопрос: для чего?

Планета Занди встретила нас штормом настолько мощ-

ным, что Аргусу пришлось применить все свои недюжинные умения, чтобы кораблик не сбился с курса и не рухнул где-нибудь посреди бескрайнего океана зелени. Отзвуки чудовищных громовых раскатов внутрь герметичной рубки не проникали, но бешеных вспышек, то и дело рассекавших воздух перед самым носом яхты, было вполне достаточно, чтобы понять, насколько все ужасно снаружи.

Оставаясь привязанным к противоперегрузочному креслу, я то и дело шурился от заливавших кабину слепящих разрядов, нутром ощущая все неистовство не на шутку разбушевавшейся стихии. Но больше всего беспокоило не это, а потоки энергии в атмосфере планеты, казалось, переживавшие коллапс.

У Бойджии с Тенями всегда были особые взаимоотношения. Мне не довелось вникнуть в детали, но то, о чем я знал, сводилось к одному: планету сотворили юхани в качестве полигона для своих экспериментов по созданию легендарной Иглы Дживана, благодаря которой те самые Тени во вселенной и появились. Юхани заселили Бойджию аборигенами-махди, от рождения невосприимчивыми к тeneвым потокам, а потому не подверженным любому их влиянию. Столетия назад, когда Вторая война лейров завершилась истреблением последних и уничтожением самой Иглы, махди постепенно вымерли. Отчего это произошло, так и осталось без ответа, но по моим догадкам, в махди как в хранителях отпала нужда. Однако сама мощная аура планеты, призванная

сводить с ума любого чувствительного к потокам Теней, никуда не делась.

Разве что немного преобразилась.

Если прежде мне приходилось настраиваться и привыкать к постоянному зуду и головной боли, то нынешние ощущения оказались сродни погружению в бушующий и ледяной океан. Аж дыхание сперло.

– Почему все не так, как раньше? – переведя дух, спросил я, глубже погружаясь в водоворот волнующих впечатлений. Само пространство вокруг казалось наэлектризованным и будто бы гибким. Как силовая сеть.

– Неверно поставленный вопрос, Риши, – отозвался Аргус. – Здесь ничего не менялось. Только ты.

И вновь меня мысленно отбросило к моменту падения в каверну, когда гладкая кварцитовая поверхность разошлась под ногами и поволокла вниз к кромке Алого озера. Последний момент из памяти стерся. Возможно, из-за долгих кульбитов по крутому спуску. Что там все-таки случилось? И почему Аргус не желает говорить об этом напрямую?

– Хозяин, я кое-что засек, – вклинился в размышления напряженный голос Измы. Старик согнулся над вспомогательной панелью, сканируя местность и подсказывая Аргусу наилучший путь сквозь грозу.

– Что там?

Изма немедленно перевел взволновавшее его изображение на экран пилота:

– Силуэт. Прямо над городом. Большущий.

Мне со своего места было не разглядеть, но, судя по тишине, повисшей в рубке, ничего хорошего там не нашлось.

– Ну? Что случилось? – Я нетерпеливо заерзал на месте.

– Тяжелый крейсер Риомма, – ответил страж и крепче сжал штурвал. Что характерно, курса он не сменил. Сквозь дождь, гром и молнии, мы по-прежнему летели к столичному городу Мероэ.

– Акаш? Что риоммцы здесь забыли? – вскинул брови Изма.

– Кому принадлежит планета, помнишь? – хмыкнул Аргус. – Похоже, старания твоей подруги, Риши, не оставили Империю равнодушной. Если Черная эскадра и дальше испепеляет целые колонии в попытках уничтожить куатов, полномасштабная война лишь дело времени.

– Думается, войны-то Диана с ее отцом и добиваются, – пробормотал я, чувствуя косвенную вину за все жизни, что успел забрать тайный флот Федерации Тетисс, когда распотрошил орбитальную станцию Кодда Секундус и родной сердцу космопорт Глосс на Семерке. В ушах все еще гудел хор ужаса, которым жители этих местечек насытили Тени перед самой своей смертью. Кто знает, окажись я не столь инфантильным размазней, возможно, сумел бы повилить на Диану и предотвратить столько смертей?

Кое-как вырвавшись из, казалось, бесконечной дождевой полосы, мы сбросили высоту и оставшуюся часть пути пре-

одолели, едва не скребя днищем о макушки могучих паатов. Видимость по ту сторону иллюминатора заметно улучшилась, отчего расположившийся на семи холмах город и зависший аккурат над ним акаш стали видны невооруженным глазом.

Здоровенные махины, которые Риомм использовал для обороны и устрашения, мне встречать доводилось нечасто. Поскольку Империя не видела необходимости в обеспечении порядка на территориях, расположенных на значительном удалении от ее центра, в края, где чаще всего обретались мы с братом, такие корабли практически не залетали. Изредка один из акашей обнаруживал свое присутствие близ торгового узла колонии Бета, но и тогда это не занимало дольше нескольких минут.

Не удержавшись на месте, я отцепился от кресла и замер за плечом Аргуса, разглядывая монструозное убоище, способное за один присест пожрать город целиком.

Внешне махина слегка напоминала стреловидные суда Черной эскадры Дианы Винтерс, но при этом производила куда более устрашающее впечатление. И дело было не только в превосходящих размерах и удвоенном количестве турболозерных батарей. Но в особой ауре, которая окружала корабль темным ореолом. Этот крейсер был создан, чтобы подавлять и уничтожать.

– Они каждому пограничному мирку по такому вот защитнику предоставили? – поинтересовался Изма, изо всех

сил вытягивая шею, чтобы не пропустить зрелище. Оторвать собственный зад от плоскости кресла ему не позволял, видимо, преклонный возраст.

– Достаточно и того, что этот здесь, – с мрачными нотками отозвался Аргус.

Подавшись вперед, я уловил необычный металлический запах, исходящий от бывшего стража. Несильный, но отчетливый.

– Что мы будем делать?

– Действовать по обстоятельствам, – ответил он. – Нет причин, из-за которых риоммцам стал бы интересен наш корабль. Несмотря ни на что, Бойджия остается свободным портом, и вновь прибывающие суда не должны вызывать вопросов.

Все еще находясь под впечатлением от странного парфюма стража, я негромко заметил:

– Да, но это мы так думаем. А что, если у риоммцев на сей счет иное мнение? Что, если они просто возьмут и выстрелят?

Аргус тряхнул головой.

– Не выстрелят. А если б и надумали, то заняли бы позицию повыше. – Он говорил отрывисто, сквозь плотно сжатые зубы, как будто отчаянно боролся с чем-то до крайности раздражающим.

Я понадеялся, что не стал причиной его внезапного раздражения, и, возвратившись на место, пробормотал:

– Хорошо, что ты в этом так уверен.

Ничего не ответив, Аргус запустил яхту по дуге, зачем-то намереваясь облететь город. Возможно, пытался убедить риоммцев, что мы не представляем угрозы, но уверен я не был. В голове все еще царил кавардак, а каждое чувство было напряжено до предела. Бойджия больше не пыталась свети меня с ума, но и в покое оставлять явно не планировала.

– Вам следует верить в него, – неожиданно обронил Изма, чуть склонив ко мне голову.

Бросив очередной взгляд в сторону Аргуса, чей силуэт едва ли не закрывал собой иллюминатор целиком, я не раздумывал над ответом.

– А я и верю.

Панель управления разразилась сигнальными трелями.

Я замер и напряженно уставился на Аргуса. Не ошибся ли он с прогнозами?

– Что это? По нам стреляют?! – выпалил старик, едва не выпрыгивая из собственного балахона.

Аргус жестом остановил его панику.

– Запустили истребители сопровождения, – сообщил он уверенным тоном, а для наглядности ткнул пальцем в сторону крейсерской громады, от которой отделилась пара крохотных точек. Точки приближались стремительно, постепенно увеличиваясь в размерах и на глазах превращаясь в две птицеподобные машины, проворные и вполне себе опасные.

– Это еще зачем? – не выдержал я.

– Свободный порт – еще не значит беспризорный, – откликнулся страж. – Обычная практика.

Что ж, даже если она и была обычной, то с явными допущениями. Мне не удавалось припомнить, чтобы нечто подобное проделывали хотя бы на одном из риоммских форпостов.

Аргуса, однако, все это не смущало. Он лишь сбросил скорость, позволив истребителям встать в позицию сопровождающих.

– И их не смутит, что мы летим к замку? – спросил я.

– А мы и не летим, – был ответ. – По крайней мере, не прямым ходом. Риомм никогда не проявлял большого интереса к Мероэ, но, конечно же, не оставит без внимания факт, что некий подозрительный катер сядет близ родового имени Занди.

– Что в нас такого подозрительного?

– Помимо внешних повреждений обшивки?

– Да, помимо них.

– Сам факт, что кому-то извне есть дело до старого графского замка и его нынешних обитателей. Среди куатов никто, кроме Метары, не знал о моем родстве с Занди, однако это не означает, будто выяснить это они неспособны.

Что ж, это было логично, а учитывая наш нынешний статус, еще и разумно. Менее всего мне хотелось, чтобы Орден куатов или, не приведи Тени, Диана Винтерс вдруг каким-нибудь образом пронюхали о моем относительно здра-

вии. Едва выбравшись из метафорического небытия, я не был готов к встрече со своими врагами. Не так скоро, во всяком случае.

– Чем больше об этом думаю, тем меньше мне нравится идея прилетать сюда, – проговорил я, пытаюсь прогнать ку-сачее сомнение.

Аргус даже оглянулся.

– Сейчас для тебя это самое безопасное место во всей гребаной Галактике, – процедил он. – Пока Риомм здесь, леди Орра не заявится.

Никак не ожидал, что он так бурно отреагирует.

– И без нее хватает желающих отправить меня на тот свет, – заметил я с невольной осторожностью.

Аргус вернулся вниманием к штурвалу, флегматично бросив через плечо:

– Клан Феб уничтожен, а если ты про куатов, то и у них найдутся задачи поинтереснее.

– Это какие?

– Мне кажется, – как всегда с осторожностью начал Изма, – хозяин имеет в виду тот маленький крестовый поход, что вознамерилась затеять леди с Тетисс. Несмотря на все свое могущество, Орден куатов не готов к открытому противостоянию. Если мощь тетийского флота действительно столь велика, даже в союзе с Риоммом куаты дважды подумают, прежде чем лезть на рожон.

– Я считал, в Галактике нет флота, мощнее риоммского.

В ответ на мои слова Изма пожал плечами:

– Все меняется, мастер Риши. Суть в том, что пока куаты заигрывали с империей, планируя подмять под себя Галактику без лишнего шума, леди Орра готовилась к открытой войне. Ее дерзкие и безжалостные атаки на космопорт Семерки и ту станцию у Кодда Секундус преследовали двойную цель: уничтожить инфочип вместе с теми, кто о нем знает, и проверить, каковой будет реакция Риомма. Как вы, без сомнения, заметили, реакция оказалась на редкость вялой.

– Отрядить по сторожевому крейсеру на каждую из пограничных планет, это, по-вашему, вяло?

Рисунок из ромбовидных чешуек, заменявший старику брови, вопросительно выгнулся:

– Когда дело идет к галактической войне? А вы сами-то как считаете?

Менее всего желая раздумывать о гипотетических войнах, в которых все равно ничего не смыслил, я, однако, вспомнил:

– Диана говорила, ее интересует только наследие лейров. Ей не нужна никакая война, лишь полное уничтожение любых намеков на все, что связано с Тенями.

Удивленный взгляд Измы вдруг превратился в снисходительный.

– И вы ей поверили?

– Ей незачем было лгать мне, – отрезал я. И, может быть, не моргнул бы и глазом, если б со стороны Аргуса не послышался короткий смешок. – Что не так?

– Твоя наивность, вот что, – ответил он, даже не пытаясь скрыть насмешливость в тоне. – Как так получается, что ты веришь всем без разбора, но только не мне?

Я не захотел отвечать на этот вопрос. В конце концов, верить на слово Диане Винтерс у меня были свои и достаточно веские причины, которые никоим образом не касались ни Аргуса, ни куатов, ни вообще кого бы то ни было. Скрестив на груди руки, я пробурчал:

– Ты много на себе берешь.

– А ты – недостаточно.

На том и порешили.

Глава 4

Тайными тропами

Стоило кораблю приземлиться, как дождь традиционно перестал. Не скажу, будто и тучи в тот же миг разошлись, однако мрачности в их тонах заметно поубавилось – добрый знак. Наверное. Риоммские «птички» долго наступать нам на пятки не стали и отступили на прежние позиции, едва Аргус подобрал подходящее место для посадки (благо в городе, население которого за последние годы неустанно сокращалось, недостатка в таковых не было). Блиновидная площадка, местами сильно потрепанная, зажатая меж гигантских ветвей древнего паата, располагалась всего в двух кварталах от замка.

Катер опустился с натугой, издав напоследок что-то вроде предсмертного выдоха, и заглох. Видимо, навсегда.

Едва люк распахнулся, выплюнув трап, я поспешил выбраться на свежий воздух, с энтузиазмом проникаясь изобилием жизни вокруг. Цветочные запахи кружили голову, а галдеж местной фауны приятно щекотал уши. Просто удивительный контраст с бесконечным и мертвым космосом. Не думал, что когда-нибудь так скажу, но я был искренне счастлив вернуться на Боиджию.

– Еще бы чуточку солнца, – проговорил я, подставляя лицо теплым воздушным потокам.

– Гляньте-ка, хозяин, ему здесь и правда нравится.

Мне не хотелось искать в словах Измы насмешку, но ответное замечание Аргуса заставило немного напрячься.

– Посмотрим, что дальше будет, – бросил страж, мрачно прошагав мимо. Свою жутковатую рану он прикрыл накидкой, а запекшуюся кровь оттер выданной Измой ветошью.

Я решил воздержаться от напоминания, что уже бывал здесь и прежде. Пусть думают что хотят. В конце концов, едва ли существовало правило, запрещающее радоваться свежему воздуху и твердой земле под ногами.

Я нагнал обоих у перехода на одну из подвесных улиц, сетью расплзшихся во все стороны, и задал логичный, как думалось, вопрос:

– Как мы доберемся до замка? Свистнем такси?

Ответ меня поразил:

– Верхом.

– Верхом? В смысле, верхом на животных? Как в старых историях?

Аргус остановился и одарил меня странным взглядом, как будто был не до конца уверен, что перед ним именно я. Хотя, не стану скрывать, мне и самому собственная бурная реакция показалась малость нелепой, а идея передвигаться по городу, сидя на спине живого существа, приводила в оторопь. Не думал, что когда-нибудь доживу до этого момента.

– Верно, – процедил страж, пока Изма закатывал глаза.

Мы пришли к просторному помещению, нависавшему над пропастью гигантской сферической клеткой. Внутри клетки, цепляясь за толстые прутья решеток, под потолком или на стенах лениво перебирались крупные ящеры. Местные именовали существ гофаями, и выглядели те, как лютые хищники, а вовсе не милые зверушки. Семиметровые (не считая напоминавшего длинный хлыст хвоста), с продолговатой мордой, челюстями, способными перекусить стальной лист, и четырьмя мощными когтистыми лапами. С подобным инструментарием не составит труда карабкаться не только по паатовым стволам и решеткам загона, но и по отвесным городским стенам. Вопрос был лишь в том...

– Как их только приручили?

Хозяин зверюг, милейший портакианец среднего возраста с брюшком и добродушной улыбкой, тут же пояснил:

– Несмотря на свой грозный вид, гофай – настоящие добряки. Они обитают на нижних уровнях паатовых джунглей, питаются в основном мелкими хищниками, вроде древолазов. Не в пример надежней килпассов, из-за которых один из наших графов когда-то лишился ноги. Крайне непривередливые и покладистые животные. Запашок только... – Он виновато развел руками. – Не каждому таковой по нраву. Впрочем, к нему быстро привыкаешь.

Вонь, доносившаяся из клетки, и впрямь была весьма специфической, однако меня заботила далеко не она. Все дело

в том, что прежде я никогда не связывался с животными. Да, в детстве мечтал завести питомца. Вот только на Семерке, бедной до живности, особо не разгуляешься, да и Мекет никогда бы не позволил притащить на борт «Ртути» кого-то, способного сгрызть всю проводку и без зазрения совести гадить по углам. Заглянув в маленькие желтые глазки одного из ящеров, я почуял его взаимный интерес и невольно улыбнулся.

– Почему я раньше их здесь не видел? – Пока один из надсмотрщиков-мектов седлал пару выбранных Аргусом гофавев, мне разрешили подойти к загону поближе.

– Потому что вы не знаете настоящего Мероэ, мастер Риши, – ответил Изма снисходительно. – Вы видели лишь кусочек и по кусочку судите. Я думал, вы разумнее.

Справедливо. И я ведь даже с ответом не нашелся, поскольку и впрямь думал обо всей Боиджии несколько однобоко. Мне нравилась эта планета, я слышал ее легенды, знал часть истории и полагал, будто понимаю, как здесь все устроено. Разве не наивно?

Отсчитав хозяину зверюг положенную сумму, Изма взял под уздцы одну из тварей и любовно потрепал по холке. Очевидно, он знал, как с ней управляться, поскольку грозная с виду животиная в ответ мило застрекотала. Повернув громадную голову, она лизнула старику ладонь, фыркнула и чуть присела, чтобы тому было удобней взбираться в седло.

– Давно они здесь? – ненароком поинтересовался Изма у

хозяйина гофаев.

Уточнять, о ком конкретно речь, не потребовалось. Портакианец моментально поднял голову к небу, большую часть которого скрывал жирной тушей риоммский акаш.

– Уже третьи сутки, – нахмурился он, рассматривая днище металлического чудовища. Голос звучал спокойно, однако нотки недовольства все-таки проскальзывали. – К наместнику ходили, но он уверяет, будто все это лишь безопасности ради. Меры предосторожности, так он сказал.

– Меры? – впервые за время обмена любезностями подал голос Аргус. Он уже давно сидел верхом на втором гофае. – Против кого?

Портакианец уставился на стража, будто только увидел. Моргнул. Затем еще раз.

– Не знаю, м-молодой господин, – поспешил он с ответом. – Но все чувят, что что-то неладно. Опять в подворотнях шушукуются. Про Тень разговоры ведутся... То тут, то там кто-нибудь что-нибудь сболтнет. Ничего конкретного, конечно же, просто досужие сплетни, а все-таки!

– И что говорят? – Изма даже вперед подался, так ему было интересно.

Портакианец опасливо оглянулся, не подслушивает ли кто, и только потом заговорил совсем уж карикатурным полусшепотом:

– Не знаю, слышали ли вы, но поговаривают, будто по Галактике носится некая черная флотилия и без разбора уни-

что жает все аванпосты, что хоть когда-то имели дела с лейрами, будь они трижды прокляты. По новостям такого, конечно, не услышишь, но даже в наше захолустье забредают любители поболтать за кружкой эля. Лично я до сплетен не слишком охоч, но такие истории мимо ушей не пропускаю. Говорят, будто Глосс на Семерке был уничтожен именно ими. А еще та станция беженцев возле вывернутой наизнанку планеты, забыл, как бишь ее...

– Кодда Секундус, – машинально подсказал я.

– Точно! – Хозяин гофаев заулыбался. – Точно так ее и звали. И еще несколько таких же поселений – совсем мелких, в стороне от большинства глаз и, что самое главное, под флагами нашего несравненного Риомма. Официально об этом ни слова, но очевидно же к чему все идет? Кто бы ни управлял той Черной эскадрой, он явно хотел как следует расшевелить чинуш из Сената. И будь я проклят, если это у них не получилось.

– Понятное дело, – кивнул Изма, будто не услышал ничего нового. – Только причем здесь какая-то тень?

Взгляд портакианца, все еще прикованный к внушающему трепет звездолету, едва ли не с характерным жужжанием переместился на кислое лицо старого мекта. От внешней сердечности не осталось и следа.

– А вы думаете, с чего это все началось? Лейров, быть может, и не осталось, но зло-то по-настоящему никогда не исчезает. Поговаривают, будто Тени, откуда лейры черпали

силы, обрели свое воплощение в живом существе и что его появление грозит всей Галактике тяжелейшими бедствиями. Будь это простой сплетней, я б и не подумал поверить, но мы, разумники Бойджи, особенно восприимчивы к такого рода вещам. Если вы местные, то понимаете, о чем я говорю.

Аргус с Измой, видимо, понимали, поскольку даже не попытались опровергнуть сказанное.

– Вы, правда, считаете, что от этой... Тени одни беды? – не удержавшись, спросил я.

– Если только ее появления достаточно, чтобы некто взялся уничтожать целые поселения, то мой ответ будет: да, парень. Другое дело, что все это пока только на уровне слухов. Иных развлечений у нас, сам понимаешь, немного. Одно настораживает: слишком уж складно все получается.

– И то правда, – с абсолютно нечитаемым выражением кивнул Аргус, а затем перевел взгляд в мою сторону: – Ты – со мной.

Слегка опешив, я захлопал глазами. Не ждал, конечно, что мне выделят отдельного гофая, но почему-то был уверен, что пассажира его графское сиятельство оставит на попечение слуги. Что ж, это не первая моя ошибка. Ухватившись за холодную ладонь стража, я оттолкнулся ногами от земли и лихо запрыгнул в седло.

– А как мы назад их вернем? – спросил я, устраиваясь перед Аргусом.

– О, они у меня очень умные. – К портакианцу снова вер-

нулось былое благодущие. Похоже, о своих ненаглядных питомцах он мог болтать часами. – Когда доберетесь до места, просто разверните их обратно. Дорогу сами найдут.

Еще раз кивнув, Аргус что-то коротко скомандовал зверюге и та, моментально приняв приказ, двинулась вперед неспешной рысью. Вторая – за ней точно вслед.

Сказать по правде, поначалу я всерьез опасался за собственную жизнь, но когда гофай взяли размеренный темп, сразу успокоился. Сама зверюга не проявляла и капли агрессии, а стальная рука Аргуса крепко удерживала меня в седле. Немного погодя я даже начал наслаждаться поездкой, а уж когда гофай набрали скорость и, наплевав на обычные транспортные линии, полезли напрямик через скалистые утесы и жилые дома пришел в полный восторг! К слову, никто из горожан, изредка попадававшихся на пути, подобному способу сократить дорогу не удивлялся. Только одна бабулька что-то недовольно прокричала, когда мы, во весь опор пронесясь через ее скромный садик, слегка помяли цветник, но в остальном всем было плевать. Чего, собственно, нам и требовалось.

– Не думал, что это будет настолько захватывающе!

Аргус не стал комментировать мое ребяческое восхищение, лишь не позволил выскользнуть из седла при особенно крутом маневре, крепче прижав к себе. Снова запахло металлом. Я занервничал.

– Что происходит?

– Просто сиди смиренно, – ответил он.

Мы проскользнули под очередным кованым мостом и по сигналу стража остановились на покато́й крыше неприметного домишки, притаившегося на отвесном утесе. Для чего? – пришлось, конечно же, спрашивать.

– А ваше сверхвосприятие вам не подсказало? – Откинувшись на высокую спинку седла, старый мект снисходительно поглядывал в мою сторону.

– Изма, – с укоризной качнул головой Аргус.

– Но мне искренне любопытно, хозяин! – возразил тот. – Почему Исток, чьи способности по идее должны поражать воображение, ведет себя так отстраненно и ничего не замечает?

Переведя взгляд на старика, будто напрочь забывшего, что совсем недавно отказывался смотреть мне в лицо, я прилежно задумался над его вопросом. Складывалось впечатление, что передо мной мельтешат подсказками, ни смысла, ни степени важности которых я пока понять не в состоянии. При этом в глаза бросалась одна очевидная странность: для обычной прислуги Изма знал слишком много. Явно куда больше моего. И вот это уже раздражало.

– С чего вы, Изма, взяли, будто я должен кого-то здесь поражать?

Тот пару раз моргнул, прежде чем снизошел до ответа.

– Казалось бы, ни с чего, мастер Риши, – хитро улыбнулся старик. – Но мы ведь все хорошо знаем, на что вы способны.

Так отчего даже не пытаетесь предугадать вероятную опасность? Как это называется? Прекогниция, вроде бы?

– Окажись я настоящим лейром, Изма, может быть, и ответил бы на ваш вопрос. А так могу только развести руками. Потенциал своих сил я и сам до конца не понимаю.

– Это-то и настораживает. К добру оно все идет или к худу? – Еще один вопрос из разряда не подразумевавших простого ответа.

Я неловко поерзал в седле. Аргус проворчал:

– Лучше вам обоим сейчас помолчать.

Мы с Измой мгновенно заткнулись. Извернувшись, я с любопытством уставился в мрачневшее с каждой секундой лицо.

– В чем дело-то?

– Замок оцеплен, – почти не разжимая губ, проговорил он.

Проследив за направлением его взгляда, я заметил группу из нескольких вооруженных фигур, застывших на краю силовых врат, что питали плазменный мост в замок. Сейчас мост был обесточен, а сами врата – заблокированы.

– Неужели нас ждут?

– Возможно.

Пока страж размышлял над тем, как поступить, я ненароком вспомнил о Тассии Руэ и ее совместной с Дианой Винтерс попытке (вполне успешной, надо сказать) пробраться в замок, минуя все сторожевые системы. И пусть сам Аргус в ту пору позволил им все это провернуть, отрицать творче-

ский подход к задаче было глупо. Может, и нам стоило сымпровизировать?

– Ну, и как мы поступим? Надеюсь, с боем прорываться не придется?

– Терпение, мастер Риши, – негромко проговорил Изма, чуть ли не с благоговением глядя на задумчиво-молчаливого Аргуса. – Хозяин размышляет.

С терпением у меня всегда были проблемы. И без того вымотанный приключениями, свалившимися на голову, как только открыл глаза, я ощущал себя на грани. Ну почему все время столько сложностей? Даже намек портакианца на то, что меня стали считать страшилкой для залетных ротозеев, казалось, преследовал одну цель – выбесить.

Будто почуяв мой настрой, Аргус объявил:

– Пойдем старой тропой. – Судя по тону, он сам был не рад решению.

Изма, к слову, тоже не пищал от восторга. Его чешуйки бледнели, а лицо становилось все более сморщенным.

– Этого я и боялся, – буркнул он.

И только я, как водится, ничегошеньки не понимал.

– Что за тропа такая? И почему у вас такие лица, будто она через ад пролегает?

Аргус, конечно же, прикинулся, что не услышал, а вот Изма не удержался от едкой ремарки:

– Тонко подмечено, мастер Риши. И, да будет мне позволено просветить вас, старой тропой издавна называли тай-

ный ход, скрытый на нижних ярусах паатового леса, над которым, мы, собственно, сейчас и находимся.

– То есть, нырнем вниз? – Мой взгляд невольно упал на пару десятков метров, где начиналась граница плотного лесного покрова, игриво переливавшегося всеми оттенками зеленого. Под ложечкой засосало.

– Чтоб вы знали, паатовый лес не зря называют одним из опаснейших мест во всей освоенной Галактике. Это настоящий океан, кишачий хищными тварями, самые милые из которых – это килпассы и гофаи. И чем ниже спускаешься, тем страшнее чудища, что там обитают.

– Изма, все знают, насколько опасен Великий Боиджийский Лес, – заметил я, – только ведь ни вы, ни я долго там гулять не планируем.

– И все же, чтоб добраться до тайного хода, нам придется нырнуть туда, куда и солнце никогда не проникает. Чем, по-вашему, может обернуться такая прогулка?

Для меня это был вопрос из разряда риторических. Чем бы в итоге ни обернулась, по-другому мы все равно не могли поступить, верно?

К счастью, Аргус, так же как и я, не считал дискуссию уместной.

– Некогда спорить, – отрезал он, крепче перехватив вожжи. – Риши, как только пройдем через листву, прижми голову. В этой части лес не так глубок, как в других местах, но все равно может доставить проблем.

Я кивнул, дав понять, что принял к сведению предупреждение, а страж, дождавшись сигнала готовности от Измы, пришпорил гофая и заставил того нырнуть вниз со скалы.

Понятия не имею, как я не заорал. Спуск выглядел натуральным падением и ничуть не походил на что-то хоть отчасти контролируемое. Самый настоящий прыжок в бездну, только вместо мокрой и соленой пучины, в свои объятья нас приняли кустистые ветви гигантских деревьев, отвоевавших себе большую часть поверхности планеты.

Несколько скачков по отвесной скале – и вот мы уже под толщей хлещущей по лицу зелени, игриво перемахиваем с одной ветки на другую, так что в ушах сплошной треск. По совету Аргуса я втянул голову в плечи, но не мог перестать следить за тем, как гофаи углубились под переплетения лиан и ветвей, туда, где с каждым метром становилось темнее, а со стороны раздавались все более жуткие и громкие вопли. Недостаток естественного освещения компенсировали люминесцентные лианы и цветы-приманки, над которыми вились насекомые. Прежде мне всегда думалось, будто густые леса под своими пышными кронами скрывали только голые стволы, но здесь все казалось просто сказочно красивым и ярким.

– И почему это место называют страной кошмаров? Здесь же невероятно!

– Невероятно – да, – хмыкнул страж мне на ухо. – Взгляни налево. Что там, по-твоему?

Посмотрев в указанном направлении, я заметил пару лиловых огоньков, плавно скользивших по темноте следом за нами. В голове сразу же всплыла мысль о безобидных светляках, перелетавших от ветки к ветке. Что тут может быть страшного? Я даже открыл рот, собираясь сказать стражу об этом. Но огоньки вдруг мигнули, а затем, немного сдвинувшись в сторону, обнаружили за собой очертания мощной фигуры. Глаза! То были глаза! И не одной, а сразу нескольких тварей, явно заинтересовавшихся нашей скромной группкой.

– Кто это?

– Черные китхи.

У меня даже дыхание перехватило:

– Китхи? – Так звались здоровенные боиджийские кошки, что по праву считались умнейшими и потому наиболее опасными хищниками планеты. В давние времена некоторые охотники за ценными шкурами пытались устраивать целые облавы на китхов, вот только чаще всего сами становились их жертвами. Китхи редко нападали в открытую, предпочитая загонять жертву в ловушку. Когда число смертей среди охотников превысило допустимые пределы, правительство Мероэ запретило охоту. На том все и закончилось. – Почему ты сразу о них не предупредил?

– Не хотел пугать, – отозвался Аргус с интонацией, которую оказалось непросто распознать.

– Да мне и не страшно. Интересно скорей уж. – Стоит при-

знать, тут я немного покривил душой. Присутствие стаи китхов, следовавших за нами по пятам, неслабо нервировало, но давать повод стражу считать меня трусом, не хотелось. – Давно они за нами следят?

– Засекли, как только мы нырнули под полог. Занятно.

– Почему занятно?

– Китхи жители дикой чащи и никогда не приближались к городской черте.

– Значит, их сюда что-то привлекло.

Гофай фыркали, с хрустом ломая мелкие ветки, так что загадочный смешок Аргуса был практически неслышен.

Изма, следовавший за нами по пятам, крикнул:

– Хозяин, вы заметили кошек?

– Конечно.

– Как поступим?

– Продолжаем спускаться. Не спеша, не провоцируя, не разделяясь.

Изма, конечно же, согласился, но неуверенность, сквозившая в его «слушаюсь» так и намекала, что он хочет что-то добавить. Аргус это тоже заметил, потому что через пару мгновений молчаливого спуска, не выдержал:

– Говори.

– Хозяин, – неуверенно начал старик, – а что, если мы позволим Истоку попробовать воздействовать на животных? Что, если это заставит их отступить? – И не дав никому из нас ответить, поспешно прибавил: – Мастер Риши, вы сосре-

доточие могучей силы, ее воплощенная мо...

Слушать одну и ту же сказку в сотый раз надоело бы любому. А я никогда особым терпением не отличался и потому прервал слугу:

– Изма, без вот этого всего, пожалуйста. Переходите к сути.

Перемахнув с одной ветки на другую под пристальным вниманием все возраставшего количества китхковых глаз, старик уступил. Стараясь перекричать какофонию шумов вокруг, он затараторил:

– Извольте. Тени лейров могли влиять на всех живых существ. Из-за махди и их минна, на Бойджи такое не всегда получалось. Однако махди вымерли, а значит, планета уже не так неприступна для Теней, как это было раньше. Совсем недавно вы и сами это сказали...

– Короче, Изма, – поторопил Аргус.

– Конечно, хозяин. Я предлагаю, чтобы мастер Риши использовал свою силу и приказал китхам оставить нас в покое.

Как не взгляни, предложение казалось почти дельным. Заставить противников удерживать дистанцию или того лучше – вообще убраться восвояси, было чуть ли не излюбленным способом у склонных к ментальному манипулированию лейров уйти от драки. Смутить, зачаровать, затуманить, а позже использовать в собственных целях – это лишь часть того, на что они всегда были горазды. Я же подобными вещами никогда не увлекался, и даже более того – понятия не

имел, как это делается. Меня никто не обучал, а все, что творил прежде, срабатывало благодаря инстинктам и вовремя брошенным подсказкам шаманки. Старая огианка была моим единственным наставником, да и то учила лишь тому, что сама считала необходимым в тот или иной конкретный момент. И никогда речь у нас не заходила об управлении чужим сознанием. Что я мог здесь предпринять? Встать перед ними и прокричать, чтобы убирались подальше? Вряд ли сработало бы.

Пока я размышлял, кольцо из светящихся глаз, окруживших нас, стало уже, а лесное дно по-прежнему казалось недосягаемым. Напряжение нарастало, и даже обычно невозмутимый Аргус вдруг начал говорить с заметными нотками волнения:

– Риши, если собираешься что-то предпринять, то лучше не тяни.

Я быстро кивнул и, закрыв глаза, попытался сосредоточиться на окружающем мире со всей его бьющей ключом жизненной энергией. Учитывая весьма рваный спуск, сделать это было непросто, но я заставил себя выбросить из головы все, что не касалось стаи хищников, следовавших за нами по пятам.

Поймать тeneвую нить, что связывала прайд, в целом оказалось несложно, но вот настроиться на нее – другое дело. Я чувствовал еще не сформировавшиеся мысли китхов, что отражением животных инстинктов придавали подобие смыс-

ла их существованию. Я уловил голод, жажду убийства и страх. Без спроса вторгшись на чужую территорию, мы не дали хозяевам ни малейшего намека на то, чего от нас ждать. Мы стали для них олицетворением и угрозы, и обеда. Но что возьмет верх: страх или голод?

Пока я прощупывал китхов, гофаи, переняв наше беспокойство, тоже занервничали. На психическом уровне все живые существа, так или иначе, были связаны, но ящеры, похоже, тоньше других улавливали изменения, что творились в гудящих вокруг Тенях. Они, не заботясь более о седоках, буквально проламывались сквозь меньшие ветви паатов.

Чем и спровоцировали хищников.

Предчувствие опасности расцвело в мозгу алой вспышкой. Я завопил:

– Сзади!

Аргус среагировал молниеносно. Он развернулся в седле и, не раздумывая, полоснул энергоклинком по атаковавшему китху.

Зверь взвыл и, пролетев над нашими головами, тяжело приземлился на одну из нижних веток. Раненый, но живой, он остервенело вылизывал порез от стрекочущего лезвия стража. Наши взгляды пересеклись, и я осознал, что живыми нас уже не отпустят.

Будто в подтверждение этому, прочие коты издали общий боевой клич и всей стаей ринулись к нам. Ровные токи Теней забурили, и лес моментально погрузился в хаос. Окру-

га наполнилась воплями разъяренных тварей и шумом рас-секающего воздух энергоклинка.

– Прижмись ко мне и не отвечивай, – приказал Аргус, ко-гда парочка особенно настырных зверюг попыталась в прыж-ке оттяпать мне голову, но взамен потеряла свои.

Я подчинился, понимая, что в сложившейся ситуации вряд ли чем помогу. Изма, схватившись за бластер, палил в каждую тень.

– Хозяин, их слишком много!

– Будто я не вижу, – проворчал Аргус, отбиваясь от на-стырных тварей. Второй рукой он удерживал поводья гофая и кое-как направлял его в нужную сторону.

Изму ответ не устроил. Когда особенно злобная тварь чуть не откусила ему руку вместе с бластером, он заорал:

– Заставьте же его сделать что-нибудь! В конце концов, из-за него вся стая нас и невзлюбила!

Это было ожидаемо. Настолько, что я даже не сумел сдер-жать смешка. Изма себе не изменял и, несмотря на всю по-дозрительность и снисходительное отношение к тому, что я собой представлял, в момент опасности отчаянно цеплялся за соломинку в виде Теней.

Разочаровывать старика не хотелось. Приятно, конечно, было положиться на Аргуса, но даже он, при всем своем убийственном мастерстве, не всемогущ. Что оставалось бед-ному маленькому Истоку? Снова дать себе разгуляться.

Кровожадность как таковая всегда была мне чужда, и будь

все по-прежнему, я не стал бы упиваться убийствами. Просто призвал бы Тени, наполнявшие округу невидимым туманом, и как Изма того хотел, приказал бы китхам отцепиться от нас. Но события на «Плакальщице» многое показали мне. Например, то, что прежнего меня больше нет. В прошлом разумник сентиментальный и по-своему даже мягкий, нынешний я, казалось, совершенно забыл о сочувствии. А отражалось это в искрящемся синими крапинками черном облаке, окутавшем мои запястья и плечи.

Стоило очередной из тварей оказаться чуть ближе, я, не раздумывая, метнул в нее силовым сгустком. Как сделал это с капитаншей Ком'ари. Своеобразная форма исполнения желаний. Миг, и пожалуйста – клыкастую тварь впечатало в ближайший ствол.

– Ого! – Изма едва из седла не выскочил. – Вы это видели? Хозяин, вы видели?!

Ответ Аргуса прилетел кирпичом:

– Да.

Это неожиданно смутило. Разве я сделал что-то не так? Сами хотели, чтоб я поучаствовал! Все желание рвать китхов на куски в тот же миг улетучилось.

В отличие от облака тьмы, что по-прежнему сочилось из моей кожи и обвивало тело.

Мне стало интересно, сгодится ли оно на что-нибудь, кроме жестокого убийства?

Ждать новой атаки казалось глупо, так что я решил дей-

ствовать на опережение. Сорвав с ближайшей ветки листок, я зажмурился и, постаравшись отрешиться от всего происходящего, попробовал пропитать его собственной мощью. Сил на это ушло немерено, но результат того стоил. Когда я, взмокнув насквозь, снова открыл глаза, лес вокруг ожил.

– Что происходит? Хозяин?

Плотные переплетения лиан, сильно замедлявших гофаев при спуске, теперь сами расступались перед нами, создавая проход.

– Мастер Риши, это вы?

Я не ответил, лишь оглянулся за тем, чтобы убедиться: у китхов все с точностью да наоборот. Кого-то из них с траектории сбивали появлявшиеся будто из ниоткуда ветки, кто-то застревал в клубке зеленых пут, а кому-то просто не повезло сверзиться за пределы видимости.

– Неплохо, – одобрил Аргус, почти сумев скрыть удивление.

Я подавил возникшее вдруг желание улыбнуться. Энергия, заставившая лес встать на нашу защиту, конечно же, не взялась из пустоты. Тассия учила меня, что Галактика пропитана Тенями. Они в каждом атоме пространства, пронизывают его насквозь и объединяют. Но то, что сделал я с джунглями, отличалось от привычных правил поведения Теней. Я не обращался к потоку. Я создал собственный. И это настораживало.

Один из китхов, оказавшийся крупнее и сообразительней

других, похоже, почуял неладное. Уставившись на меня наполненным неестественным светом глазами, он будто понял, в чем причина его неприятностей. Понял и испугался. Вдруг коротко взыв, он дал сигнал прочим кошкам больше в атаку не лезть. Но и преследовать нас не прекратил. Вожак, понял я, и весь оставшийся путь не спускал с него глаз.

– Меняют тактику, – удивился Изма.

– Необычно, – заметил Аргус.

– У этого леса дно вообще есть? – спросил я, краем сознания уловив некую необъяснимую странность, что наполняла Тени вокруг. Словно вся эта вертикальная погоня была неслучайна. Словно... китхи чего-то хотели...

Сосредоточившись на источнике аномалии, я прозевал момент, когда один из молодых котов решил попытать счастья вновь. Отчаянный, как сама Смерть, он бросился на стража со спины.

Это был нелепый маневр, закончившийся ожидаемым поражением. Аргус отмахнулся от него, будто от мухи. Стрекочущее лезвие пропороло китха вдоль брюха с такой скоростью, что тот даже взвыть не успел.

Казалось, опасность позади. А зря.

Самоубийственный бросок был лишь отвлекающим маневром, позволившим вожаку подкрасться к нам незамеченным. Пока Аргус сосредоточился на молодом китхе, окровавленным мешком летевшим вниз мимо веток, вожак ударом могучей лапы выбил меня из седла.

Мир будто перевернулся и задрожал в фонтане боли. Сдавленно охнув, я инстинктивно ухватился за глубокую царапину на плече и полетел вниз, по пути собирая, казалось, все, какие только возможно, сучки и лианы.

Кажется, я кричал. А может быть, кричал кто-то другой. Точно не помню. В любом случае все посторонние звуки накрыло глухим звоном, когда я спиной приземлился на одну из толстых паатовых веток и приложился затылком о жесткую кору. В глазах троилось, и плясали светляки. Я часто моргал, стараясь восстановить резкость. Чудилось, будто слышится взволнованные голоса Аргуса и Измы.

– Риши?!

– Мастер Риши, где вы?!

Понадобились все силы, чтобы протолкнуть в легкие воздух и достаточно громко выкрикнуть:

– Я здесь!

– Не двигайся. Я иду.

Хотелось огрызнуться, но скопившийся вокруг сумрак ожил, и я осознал, что дела мои плохи.

Медленно без резких движений, я встал и, оглядевшись, похолодел. Китхи были повсюду: слева, справа, вверху и внизу. Они окружили меня и постепенно, негромко перерываюсь, стягивали кольцо. Где-то в вышине слышался треск ветвей, кромсаемых Аргусом, и нервные подвывания гофавей, только это ни капли не успокаивало. Милым котяткам хватит и пары мгновений, чтобы разорвать меня в клочья.

Близость смерти отрезвила и заставила черный дым вокруг меня сделаться плотнее. Снова поймав на себе взгляд вожака, я приготовился к драке.

– Ну и? Чего ждем?

Китх, само собой, не ответил, но и нападать не спешил. Чего он ждал, я не знал, но, уловив слабые изменения в токах Теней, выцепил кое-что подозрительное. Нечто, похожее на невидимую, но крайне прочную нить или поводок, связывало каждого члена стаи и уходило за границы восприятия. Как если бы у прайда был хозяин...

Перестав сверлить взглядом главного кота, я потянулся сознанием к размытому присутствию, маячившему на периферии. Складывалось впечатление, будто некто нарочно использовал китхов, чтобы взглянуть на меня повнимательней, при этом не желая раскрывать собственной личности.

– Эй! – крикнул я в темноту. – Чего ты хочешь?

И снова вопрос остался без ответа.

Вдруг вожак нарочито зевнул и отвернулся, как будто потерял ко мне весь интерес. Перескочив с ветки на ветку, он растворился в сумраке джунглей. Это послужило сигналом для стаи, и, спустя мгновение, китхи оставили меня одного.

Пока я хлопал глазами, гадая, что стало причиной внезапного отступления, на ветку сверзились озадаченные Аргус и Изма.

– А кошки где?

Убедившись, что скрывавшее меня облако тьмы раство-

рилось, я сказал:

– Ушли.

Старика такой ответ не устроил. Он с подозрением прищурился:

– Ушли? И не тронули вас? Почему?

– Я им не понравился, быть может? – Нелепая шутка должна была скрыть растерянность, но получилось, кажется, не очень. Аргус так и сверлил взглядом, будто чуял подвох. Не топчись рядом Изма, я, быть может, и поделился с ним ощущениями. Вероятно, стражу нелишним было бы знать, что за его задним двором наблюдают. Тем не менее что-то заставило меня промолчать. Зачем? Если честно, то я понятия не имел.

Изма же не унимался.

– Настолько не понравился, что они просто ушли? А такое вообще бывает?

Я заставил себя улыбнуться. Пускай сам делает какие угодно выводы.

Падение с седла значительно сократило нам путь. И десяти минут не прошло, как мы остановились у переплетения корней древнего паата, отчаянно цеплявшегося за скалу.

Аргус первым соскочил с гофая и прошествовал к дереву.

– Изма, отправь животных обратно, – приказал он, вынимая что-то из внутреннего кармана. Что именно то была за вещьца, я не разглядел, но, судя по дальнейшим манипуляциям стража, понял, что она служила чем-то вроде ключа к

тайным замковым проходам.

Спешившись следом за мной, старик подхватил обоих зверюг под уздцы и, развернув их мордами назад, подтолкнул в нужном направлении.

– А разве китхи их на куски разорвут? – удивился я.

Аргус повернулся ко мне и вдруг ожег холодным взглядом.

– Все еще готов прикидываться, будто китхов интересовали гофай?

Я лишь молча потупился.

Аргус тихо выругался. Он отвернулся и вставил похожий на пирамидку ключ в скрытый под лианами скальный разъем. Что-то негромко щелкнуло, и разъем засиял тусклыми красными огоньками. По земле прокатилась едва заметная дрожь, и там, где корни паата образовывали нечто, напоминавшее арку, появилась дверь. Вырезанная в камне, она идеально имитировала окружение, так что если не знать о ее существовании, то и не догадаешься.

– Так один из моих предков тайно пробирался в джунгли, – сказал Аргус и вынул ключ из разъема. Створка втянулась в скалу, открыв едва подсвеченный красными лампами узкий коридор.

– После тебя, Риши, – сказал страж.

Глава 5

Затворник

– Хозяин, ванна готова.

– Хорошо. Ты свободен. – Приказ прозвучал прохладней, чем следовало, но ни я, ни тем более Изма не дали понять, что ощутили это.

Старик поклонился и нацелился к выходу, не преминув перед этим стрельнуть в мою сторону многозначительным взглядом. Я проигнорировал непрозрачный намек и не сдвинулся с места. Были еще вопросы, на которые бывший страж так и не удосужился ответить.

– Ты не возражаешь? – поинтересовался он, иронично выгнув бровь.

Желание Аргуса уединиться удивило, ведь прежде он не отличался особой скромностью. Запросто устраивал заплывы в странно пахнущей жидкости и ничуть не смущался собственной наготы. Теперь-то что изменилось?

Страж попросил негромко, но настойчиво:

– Риши.

– Мастер Риши! – послышалось со стороны входа.

Усевшись на крышку большого письменного стола, я отмахнулся от обоих:

– Мы недоговорили.

Смотреть в жуткие серебристые глаза и при этом не моргать было трудно. Ничего не выражающие, они все равно каким-то мистическим образом вызывали дрожь во всем теле. Так змей мог гипнотизировать жертву.

– Мы поговорим, – пообещал страж. – Но не сейчас.

– Это я слышал и прежде, – сказал я и, повернувшись к старику, прибавил: – Идите, Изма. Я здесь надолго.

Тот немного помялся на месте, но все же ушел, оставив нас наедине.

Ксант и Аста – пара дзарских гончих, беззаветно преданных Аргусу, – самозабвенно вылизывали лоснящиеся шкуры друг друга и о нас будто не думали. При этом я точно знал: взбреди мне в голову напасть на их драгоценного хозяина, мой труп потом нельзя будет даже опознать. Милые питомцы. Как раз под стать бывшему стражу.

Залюбовавшись ими, я невольно улыбнулся и, снова повернув голову к Аргусу, невинным тоном поинтересовался:

– Тебе не кажется, что кабинет – не лучшее место для принятия ванн?

Читать эмоции по его лицу и без того всегда было непросто, а из-за общего полумрака, разгоняемого лишь призрачным свечением бассейна, задача вообще казалась невыполнимой. На какой-то миг почудилось, будто он приоткрыл рот, намереваясь что-то сказать, но быстро передумал и отвернулся. Ксант и Аста одновременно наострили уши, но,

не почуяв перемен в настроении хозяина, вернулись к прежнему занятию. Едкий запах, источаемый бассейном, настойчиво щекотал ноздри, но я упрямо не обращал внимания ни на что. Лишь ждал откровенности.

Аргус, видимо, посчитав, что откровенность бывает разной, разоблачился донага и быстро скользнул в мутную жидкость. Похожая на ту, что наполняла мою лечебную капсулу, она играла неверными бликами на его бледной коже и все еще заметной дыре в центре широкой мускулистой груди.

– Риши, – сказал он, приподняв бровь. – Ты пялишься.

Я не смутился лишь потому, что с трудом представлял, как кто-то может существовать с такой раной.

Аргус, все это время пристально всматривавшийся в выражение моего лица, как будто заметил там что-то не то и, нахмурившись, поспешил скрыться в бассейне с головой.

Что все это значило, я не понимал и рассчитывал получить ответ, как только страж выплывет на поверхность. Однако время шло, минуты складывались в часы, а его все так и не было. Конечно, глупо было думать, будто Аргус мог утонуть в собственной ванне, но отсутствие пузырьков на поверхности настораживало. Все это отдавало какой-то противоестественностью, отчего мне с каждым моментом все сильнее делалось не по себе.

Прежде чем слезть со стола, я досчитал до десяти, а потом, не обращая внимания на предостерегающее рычание гончих, замер у самой кромки бассейна. Я понимал, что некоторые

рамки пересекать не следует, и все равно потянулся к Теням. Я рискнул.

И риск не оправдался.

Стоило только затронуть ментальное поле, окружавшее стража черным коконом, я понял, что дело неладно. Почти все в этой Галактике знали, что серые стражи далеко зашли за порог «нормальности». Они были молниеносны в скорости реакции и практически неуязвимы, но за это платили человечностью и железной верностью хозяевам-куатам. Аргус в свое время отринул эти нормы, заработав клеймо беглеца и предателя. Он помог мне прикончить прелатов. И даже выволок из Алого озера. Но я никогда не задумывался, чего именно все это стоило ему лично. В Тенях Аргус горел факелом из тьмы. Как будто две разнополярные и непримиримые по своей природе силы отчаянно сражались за власть над его телом и разумом.

Ксант и Аста по-прежнему порывивали в отдалении. Осторожно склонившись над пахнущей химикалиями жидкостью, я негромко позвал:

– Ди?

Какой-то миг ничего не происходило, но затем...

Резкий толчок в солнечное сплетение заставил меня отлететь на пару метров.

Грохнувшись навзничь, я ошалело вытаращился на всплывшего на поверхность бассейна стража. Могучее тело с почти не оставившей следа дырой блестело. Длинные воло-

сы облепили узкое лицо, в призрачном сиянии жидкости кажущееся еще более бледным. От прежнего непрошибаемого спокойствия не осталось и следа. Grimаса чудовищной ярости искажала и без того хищные черты, а глаза разбрызгивали серебристое пламя.

– Я же просил тебя уйти! – Рык, что он издал, с угрожающей неспешностью выбираясь из бассейна, заставил гончих трусливо поджать хвосты и попятиться.

Я и рад был последовать их примеру, да, загипнотизированный убийственным взглядом, не мог даже пошевелиться. Вот уж поистине змей и его жертва. Тени вопили об опасности, но при этом, казалось, сами разбегались перед тяжелой поступью стража.

Аргус схватил меня за воротник и почти вплотную подтянул к собственному лицу. От острой металлической вони мне едва не сделалось дурно.

– Почему ты все время лезешь, куда тебя не просят?! Почему везде суешь свой нос?!

От неожиданности я, кажется, забыл, как дышать, и только и мог, что болтаться, бессмысленно суча в воздухе ногами.

– Ну?! – рявкнул страж.

С трудом заставив сердце вернуться на положенное место, я кое-как выдавил:

– Я... я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Аргус с такой дотошностью вглядывался в мое лицо, как

будто пытался поймать на лжи. Но я-то знал, что виноват только в излишнем любопытстве, так что проверку выдержал, не моргнув.

Страж отпустил меня и вернулся к бассейну.

– Тебе лучше уйти, – сказал он тихо.

После такой вспышки я бы не рискнул спорить, даже если бы очень захотел. Быстро оправившись, выскочил в коридор. Пока летел в сторону выделенной мне комнаты, пытался решить, что могло послужить причиной аргусовского гнева, но ответа не находил и все ругал себя за опрометчивый поступок. Неужели своим любопытством я пересек какую-то незримую черту? Неужели доигрался?

Чувствуя себя сущим ничтожеством, я ворвался в спальню и, захлопнув за собой дверь, привалился к прохладному дереву спиной. Руки, покрывшиеся тонкой дымной пленкой, дрожали, а ноги казались сделанными из бумаги и грозили подогнуться в любое мгновение.

– Вот это мне всыпали! – выдохнул я и осмотрелся.

За время моего отсутствия комната почти не изменилась. Та же широкая кровать, те же кресла и столики, те же статуэтки аборигенов-махди, зловеще поблескивавшие синевой драгоценных глаз, те же картины и тот же теплый свет настенных ламп. Разве что вид из окна не поражал воображение, как прежде. День близился к закату, однако сказать об этом мог лишь настенный хронометр. Все внешние окна были наглухо запечатаны непроницаемыми ставнями –

не столько ради защиты, сколько для того, чтобы неустанно следившие за замком риоммцы не догадались, что внутри кто-то появился. Старинное гнездо рода Занди не зря считалось неприступной крепостью, и, если ее обитатели сами того не желали, никто снаружи, какие бы усилия ни прилагал, не мог ни попасть внутрь, ни выяснить, что внутри кто-то есть. Иными словами, мы очутились в полной изоляции. И, если не считать ощущения, что стал добровольным узником в роскошной тюрьме, меня такой расклад почти устраивал.

На прикроватной тумбочке, спасибо Изме, ждал легкий и незатейливый ужин, а в кресле рядом – аккуратно разложенный комплект свежей одежды, взамен выданной на яхте пиратов. Последняя, кстати говоря, привлекала куда сильнее еды. Трудно назвать причины, но с тех пор, как пришел в себя в лечебной капсуле, я ни разу не испытал даже намека на голод. Зато желание смыть грязь и провалиться в глубокий и продолжительный сон – очень даже. Шок, вызванный аргусовской вспышкой, понемногу отступал, а на смену ему пришла томная слабость. Забежав в ванную комнату и быстро проделав там все положенные дела, я, начищенный до хрустального блеска, забрался под одеяло и мигом провалился в забытье.

Просыпаться следующим утром было мучительно. Тело казалось налитым тяжестью, руки и ноги одеревенели, а веки вообще будто намертво слиплись. Непривыкший к чрезмер-

ному комфорту, я не отдохнул ни секунды. Да еще и солнечный свет бил в глаза...

Задумавшись на миг о том, что никакому солнцу, сколь мощным бы оно ни было, не прорваться сквозь ставни на окнах, я резко сел и осмотрелся.

Все вроде было как обычно, за исключением горящих ламп, которые я совершенно точно, перед тем как утонуть в простынях и перине, обесточил.

– Доброе утро.

Повернув чугунную голову к дверям, я наткнулся на веселый взгляд Измы.

– Как спалось?

Негромко выругавшись, я рухнул обратно в подушки и уже оттуда пробубнил:

– Отлично. Пока вы не явились.

Изма издал странный булькающий звук – вероятно, усмехнулся, – потом сказал:

– Что ж, прошу прощения, мастер Риши. Но я должен был убедиться, что вы ненароком не умерли. Как-никак почти сутки проспали.

Едва смысл сказанного достучался до моего сонного мозга, я снова подскочил:

– Как это сутки?!

Изма ухмылялся в усы.

– Да вот так. Вторая ночь пошла, как мы в замке. А вы, видимо, знатно притомились, раз столько времени убили на

сон.

– Что ж вы не разбудили меня?

Спрятав ладони в широких рукавах, старый слуга вздохнул:

– Будто это было возможно.

Он перевел взгляд на тарелку с нетронутым ужином и в легком удивлении выгнул бровь:

– Почему вы не поели? Вам не понравилось?

– Голоден не был, – ответил я, мысленно порадовавшись, что одеяло надежно прикрывает тылы со всех сторон.

– Отчего же? С тех пор как вы очнулись в медкапсуле, минуло немало времени, но вы ни разу так не заикнулись о еде. На вас это не очень похоже. – Заявление, что называется, из разряда смелых.

– Почему вы думаете, что достаточно хорошо меня знаете, Изма?

– Я знаю своего хозяина, а он не стал бы тратить время на бесполезных разумников.

Я с трудом подавил зевок.

– Надеюсь, это комплимент?

Изма на вопрос не ответил.

– Мастер Риши, я знаю, вы думаете, будто ваше присутствие пугает меня. Но я заверяю вас, что это абсолютно не так. Все, о чем я волнуюсь, – это моральное и физическое здоровье хозяина.

От этого заявления я растерянно захлопал глазами.

– Каким же образом я мог ему навредить?!

– Его из-за вас чуть не убили.

– Но та ловушка была не моя!

– Позвольте договорить! – вскинул ладонь старик. – Не мне решать, с кем хозяину общаться. И вам я ничего приказать не могу. Зато могу просить об услуге. И заключаться она будет в следующем: обещайте, что не предадите его доверия и не станете делать того, что каким-либо образом может причинить ему вред.

Последняя фраза натолкнула меня на совершенно дикую мысль, будто Изма мог подслушать наш с Аргусом обмен любезностями.

– Изма, я не...

– Обещайте! – И столько внезапной напористости было в этом слове, что я даже не задумался над тем, чтобы возразить, лишь быстро кивнул:

– Хорошо. Даю слово. Только я, правда, не понимаю, к чему это все?

– А вам и не нужно. Главное – ответ. Ничего больше. – Прошагав через комнату, Изма поднял с тумбочки поднос с заветренным ужином. – Я принесу вам свежий. – Развернулся и был таков.

Я попытался переварить услышанное, но мозг почему-то отчаянно не желал воспринимать смысл. Уставившись на закрытую дверь, я принялся перебирать в уме все моменты, когда бы поведение старого мекта выходило за рамки обы-

денного. Прежде он не позволял себе лишнего. Лебезил перед Аргусом, временами снисходил до любезности передо мной. Но чтоб вот так ставить условия? Подобное случилось впервые.

Словно проверял, как я отреагирую. Очень интересно.

Задумчиво хмыкнув, я сбросил одеяло и отправился в ванную. После общения с Измой, сна и усталости как не бывало. Энергия была через край, будто кто тайный рубильник нажал. Не скажу, что настроение от этого автоматически улучшилось, но я хотя бы не чувствовал себя размазанной кашцей. И продолжал думать, думать и думать о том, что во всей этой ситуации было не так...

А не таким в ней казалось абсолютно все. От самого факта моего пробуждения на борту пиратского судна и до таинственного ментального присутствия, заставшего нас в чаще леса. Аргуса с его гневными вспышками я из уравнения пока исключил, но и то не переставал удивляться тому, что за целые сутки он ни разу меня не навестил.

Китхов к нам подослал, это очевидно. Однако непонятным оставалось, как сделавший это выяснил, что Аргус решит пойти через чащу? Предположил, потому что иного способа прокрасться в оцепленный замок не было? Пусть так. Но тогда этот кто-то должен был знать и о тайной тропе, ведущей по лесному дну. Сведущий типчик, к тому же неплохо ладивший с Тенями, раз умудрился подчинить себе целый прайд. Неужели в джунглях Боиджии завелся лейр? А если

так, то почему я этому лейру покоя не давал?

Не сумев найти быстрого ответа, я освежился и надел приготовленный накануне наряд.

Практичная одежда, как раз в том стиле, какой я предпочитал, радовала. Черных и серых тонов, без лишних украшений, ярких деталей и прочей ерунды, заставлявшей пищать всех современных модников. Штаны, туника, пояс и сюртук. С капюшоном, конечно же. Еще ботинки, почти такие же, что я всегда носил на Семерке, – мягкие, с загнутыми носами и на шнуровке. Помимо прочего, в комплект входил и новый компактный коммуникатор, а еще бластер.

Коммуникатор я не преминул спрятать за пазуху, а вот как быть с оружием задумался. Раньше я не испытал бы с этим проблем, но с тех пор, как начал почти во всем полагаться на Тени, бластеров не касался. В атаке или защите я оказывался несравнимо полезней, когда, вместо обыкновенного плазмострела, использовал свои мозги и мощь энергии, услужливо плескавшейся под рукой. Прикинув так и эдак, я решил, что лучше, если оружие останется в комнате.

Нарисовался Изма. Без предупреждения и опять с подносом в руках.

На этот раз поднос вмещал сразу несколько тарелок, дымящееся и аппетитно пахнущее содержимое которых, спровоцировало у меня обильное слюноотделение. А ведь за ступки пора проголодаться!

Изма опустил поднос на то же место, с которого совсем

недавно забрал, и, обернувшись, многозначительно произнес:

– Надеюсь, когда я вернусь, эти тарелки будут пусты.

Чувствуя, что желудку становится худо от голода, я торопливо закивал:

– Не сомневайтесь. – А после без всяческих церемоний набросился на похлебку, жареное мясо и горячий кесс. Из чего это все было приготовлено, меня особенно не волновало. Но вкус, стоит признать, был отменный! – Спасибо, Изма.

В ответ старик пожал плечами, мол, такая работа, но вопреки собственному же заявлению уходить не спешил.

Я не стал делать из этого трагедию и в промежутках между поглощением пищи, как бы невзначай поинтересовался:

– Ди у себя?

– У себя, – немедленно откликнулся тот. – У себя, и просил его не беспокоить.

Взмахнув ложкой и с сомнением выгнув бровь, я уточнил:

– Прямо-таки просил?

Изма даже глазом не моргнул.

– Всячески давал это понять, – ответил он. – У хозяина сейчас забот хватает. И без назойливых гостей, которые не знают, когда следует остановиться, ему лучше думается.

Я покорно проглотил упрек.

– Считаете, он все еще злится?

Изма мотнул головой.

– Я его об этом не спрашивал. Но вам посоветовал бы по-

стараться поставить себя на его место. Вы, мастер Риши, и без того пользуетесь чрезвычайной благосклонностью хозяйина, что само по себе уже необычно. Почему бы вам не начать это ценить?

Отставив тарелку, я поднялся с кресла и прошелся по комнате из конца в конец. И все это под обвиняющим взглядом слуги.

– Я знаю, что пересек черту...

– Вне всяких сомнений.

– ...Но я не со зла. Мне и впрямь показалось, будто в этом странном омовении было нечто... нечто... – Подобрать верное слово оказалось сложнее, чем признаться в собственной бессовестности. Наверное. – Нечто злое. Потустороннее.

– Злое?

Выдержать его взгляд тоже далось непросто, но я все же упрямо продолжал попытки объясниться:

– Не могу иначе описать. С ним было что-то не так.

Изма не расчувствовался.

– И вы, конечно же, не смогли удержаться от того, чтобы не сунуться в это своим длинным носом. Ведь что-то злое и потустороннее, это ведь для вас такая редкость!

– Между прочим, не такой уж и длинный, – по-детски обиделся я.

– Мастер Риши!

Я потупился.

– Да знаю я, Изма! Знаю. Мне, пожалуй, следует пойти к нему и извиниться.

– А вот это вряд ли. Затея, безусловно, хорошая, только хозяин четко дал понять, что в ближайшее время его беспокоить не нужно. Никому. И вам в том числе.

– И что мне прикажете делать?

Он развел руками.

– Ждать. Это единственное, что вам сейчас остается. Нам всем, если уж на то пошло.

– Стало быть, я взаперти? И надолго?

Старик даже отпираться не стал.

– До особых распоряжений хозяина. Впрочем, передвигаться по замку вам не возбраняется. Но наружу, пока соглядатаи там, соваться даже не думайте.

– И на том спасибо.

– Всегда пожалуйста, мастер Риши. Я вам еще нужен?

– Нет, Изма. Не нужны. Я доем и сам отнесу тарелку куда следует.

– Не извольте беспокоиться. Их уберут лакеи.

Я уж было открыл рот, чтобы спросить, о каких таких лакеях речь, но вовремя вспомнил о маленькой армии роботов, содержавших замок в порядке, и успокоился.

– Как скажете.

Изма удалился с поклоном, а я вернулся к... завтраку? Ужину? В общем, к еде. Пока аппетит окончательно не пропал.

Уничтожив все, что лежало на тарелках и щедро залив это кессом, я довольный и сытый откинулся на спинку кресла и невольно стрельнул взглядом в сторону хронометра. Оказалось, что уже перевалило за полночь, отчего я присвистнул – не лучший час, чтобы принаряжаться. Нормальные разумники в такое время отправлялись ко сну. Но я-то, казалось, выспался на миллион лет вперед, так что ни о каком отдыхе и думать не хотел. Оставалось решить, куда деть переполнявшую меня энергию.

Взгляд сам собою остановился на двери. Может, по замку побродить?

В прошлом Аргус запрещал делать это в одиночку, но причиной тому служили его очаровательные питомцы. С тех пор мы с Ксантом и Астой успели неплохо поладить. По крайней мере, они меня знали, а потому не стали бы гонять по замку, как вора...

Чувство, будто за мной кто-то наблюдает, кольнуло в грудь иголкой. Резко насторожившись, я прислушался к себе. Тени шептали: снаружи кто-то есть.

Бесшумно подкравшись к двери, я резко распахнул ее.

По ту сторону никого не оказалось.

Это удивило. А ведь когда имеешь дело с Тенями, трудно ошибиться. Тем не менее полутемный коридор оставался пуст. И только подозрительное влекущее чувство, родившееся где-то в центре груди, настойчиво потянуло наружу.

Лишь выйдя из комнаты, я заметил темный силуэт, мая-

чивший в дальнем конце коридора. Формы он как будто не имел и в скупом красноватом свете ламп казался обычным призраком. Только черным, как пустота, манящая к себе своей непостижимостью.

Ладони вспотели. Я не собирался геройствовать, но в этом видении чудилось что-то неуловимо-знакомое. Настолько, что даже навеяло запах. Прелый и тягучий. Запах паатовых джунглей. Того самого места, где мы столкнулись с китхами...

Сердце мое так и замерло. Я не двигался тоже и все те мгновения, что не дышал, пытался придумать, что делать. Темный силуэт в конце коридора исчез, а вот его ментальный след никуда не делся и тонкой нитью указывал путь, которому я, очевидно, должен был следовать.

Вновь обратившись к Теням, я старался нащупать подвох. Но такового будто бы не было. Лишь вежливое, но настойчивое приглашение.

Поразмыслив немного, я все же решил от него не отказываться.

Петлял я недолго – всего пару пролетов, а после очутился перед довольно незамысловатой вентиляционной решеткой. Честно говоря, в прошлом мне не единожды доводилось шнырять по подобным штукам, но вот отделаться от легкой клаустрофобии так и не получилось.

Глянув на решетку, автоматически убирающуюся с помо-

щью ближайшего переключателя, я тяжело вздохнул и дернул за рычаг. Ощущение творящегося вокруг сюрреализма не проходило, но я старался на нем не заикливаться. Я знал, что вся ситуация буквально пропитана подозрительностью, и все равно не мог устоять. Тени манили меня, и я не хотел им противиться.

Быстро пробравшись через лаз, я очутился в тесной хорде вентиляции, по всему периметру которой тянулись трубы и линии кабелей. Благодаря датчикам, здесь было немного светлее, чем в коридоре – как раз чтобы ни на что не наткаться при резких поворотах.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – пробормотал я себе.

Стоило отметить, обслуживающие замок роботы свое дело знали. Сомневаюсь, что сюда забирался кто-нибудь из живых, и тем не менее ни на одном из проводков не было и пылинки. Все сверкало, будто только с завода доставленное, и можно было не бояться испачкать одежду и лишний раз нервировать Изму.

Сам лабиринт, как это ни странно, оказался длиннее и куда запутанней, чем я вначале думал. Пару раз приходилось пробираться ползком, отчего нелюбовь к замкнутым пространствам достигла своего пика. В такие моменты Тени вокруг приходили в движение, как будто вынуждая само пространство немного изменяться в угоду моим скромным желаниям. Причем достигался этот эффект практически произвольно. Достаточно было разок другой стукнуть-

ся макушкой об очередную железку и пожалуйста – путь оказывался практически без преград. Лишь однажды мне пришлось вспомнить, что такое ловкость, когда полз вверх по вертикальной трубе, цепляясь за смотки проводов. В итоге мой поход за неизвестностью превратился в маленькое, но весьма забавное приключеньце...

Завершившееся столь внезапным обрывом, что я едва не свалился в открывшуюся зеленую бездну!

Клянусь, я даже не прикасался к той задвижке! Она раскрылась самостоятельно и, окажись я чуть менее ловким, точно полетел бы вниз, проклиная себя на чем свет стоит. Избежать прощального полета удалось лишь потому, что вовремя ухватился за трубу. Да так и повис.

И висел бы еще, пожалуй, долго, если б не услышал над самым ухом:

– Здравствуй, непоседа.

Чудом не заголосив, я еле слышно пискнул и, прикрыв глаза, уткнулся лбом в холодную шероховатую скалу. Дышал я тяжело и часто, и в тот момент искренне ненавидел весь мир. Меня уже не заботило, кто там решил поздороваться. Выводил из себя сам факт, что подобные «внезапные» столкновения начали превращаться в традицию.

– Вы все сговорились, что ли?! Зачем же все время высказывать из-за угла?!

Обладатель голоса, в сторону которого я так и не взглянул, ответил с легкой обидой:

– Технически из-за угла выскочил как раз таки ты. Я же всего только ждал твоего появления. И уж точно рассчитывал на что-то более внушительное, чем обвинение в тайном сговоре.

– Слово «сарказм» вам, похоже, незнакомо, – пробормотал я, все еще болтаясь на трубе, точно гуатана.

– Отнюдь, – проговорил загадочный некто. – Однако за годы вынужденного затворничества, похоже, растерял большую часть социальных навыков. Впрочем, я с тобой поздоровался, а ты даже не соизволил ответить. Ну и кто здесь, получается, невежа?

Заставив себя, наконец, разлепить глаза, я всмотрелся в еле заметный на фоне светлой скальной породы силуэт. Я не строил догадок. Как и не делал выводов на основе ментального присутствия, замеченного в джунглях. Я понимал, что это лейр, и подобного соображения более чем хватало. И все же, когда различил худошавого мужчину, облаченного в старую-престарую защитную оплетку и шлем, чуточку растерялся. Прямо совсем чуть-чуть.

– Э-э, здрасьте.

– А ты не впечатлен, – проницательно заметил незнакомец, мигнув одним из цифровых бинокляров – удобные штуковины для тех, кто хочет видеть в темноте. Он сидел на узком выступе чуть ниже вентиляционного отверстия, скрепив под собой ноги и подперев подбородок кулаком. Выражение лица, скрытого маской, было, конечно же, не разо-

братъ, но меня не отпускала мысль, будто он корчит насмешливые рожи.

Я спросил:

– Так это вы заставили меня прийти сюда?

Незнакомец задумчиво склонил голову набок, как будто оценивая мои слова.

– Заставил? – удивился он. – Разве тебя можно хоть чему-нибудь заставить?

Я решил, что вопрос риторический.

– Вы поняли, о чем я.

– Вне всяких сомнений. – Постучав пальцами по подбородку, незнакомец предложил: – Слушай, ты бы не мог перебраться на этот вот выступ? А то мне даже смотреть больно, как ты корячишься. Давай, не стесняйся. Места достаточно.

Глянув, куда он указывал, я сперва засомневался в устойчивости куска скалы, напоминавшего птичий насест, но, немного поколебавшись, выпустил трубу из рук и плавно спикировал в правильную точку.

– Недурно исполнено. – Тип в маске одобрительно прищелкнул. – Очень недурно. Даже ток Теней не изогнулся...

Я ослабил:

– Благодарю.

Но он точно не слышал.

– ...Словно у тебя какой-то особенный источник... Кто ты такой?

Вопрос, очевидно, был с подвохом и я совсем не торопил-

ся на него отвечать. Помимо всего прочего, меня и самого до ужаса интересовало, что он за персона.

– Лучше о себе расскажите. Кто вы?

Тип в маске и потертой оплетке лишь отмахнулся:

– Зови меня Затворником, если тебе так уж нужна определенность.

– А вам – нет?

– Смотря о чем речь.

Присев рядом, я усмехнулся:

– Ага. Например, если речь идет обо мне, верно?

Затворник захихикал.

– Тебя еще удивляет, что кого-то может волновать твоя персона? И это после всех слухов?

– Каких это, например?

– Неужто не слышал? Да по всему Оку Манат и до самого Рукава Маса носятся разговоры о зловещей Темной Сущности, испепелявшей третьесортные поселения. А еще о Черной эскадре, идущей за этой Сущностью по пятам. Уже сгорело как минимум четыре орбитальные станции и пара космических портов. Что дальше-то будет?..

– Ну и бред! Я никого не испепелял! Да и вообще...

– Не кипятись. Я это знаю. Иначе даже время на разговоры с тобой не стал бы тратить. Прихлопнул бы, и дело с концом. – Последнюю фразу он произнес не таким беззаботным тоном, как предыдущие, и это моментально меня насторожило.

Заметив мою реакцию, Затворник проговорил:

– Расслабься. Я же сказал, что не собираюсь ничего подобного делать.

– У вас и не получилось бы, – на всякий случай предупредил я.

Тот на мгновение замер, снова склонив голову набок, и уставился на меня сквозь свои идиотские бинокюляры.

– Может, ты и прав. Меня тоже, знаешь ли, в свое время недооценивали.

– И видимо, поэтому вы теперь обретаетесь на задворках цивилизации и управляете дикими кошками.

Затворник рассмеялся, но без намека на какое бы то ни было веселье.

– С тобой приятно вести диалог, Тень, – заметил он и протянул мне руку.

– По совести не могу сказать того же, – ответил я, из вежливости пожав его ладонь. – Чего вы от меня хотите? Вы же, как и все, чего-то от меня хотите. Ну, так я слушаю.

– Прежде всего, нам надо бы убраться отсюда, пока твой сверхзаботливый приятель не очухался и не устроил тарарам.

Спрашивать, о ком речь, не требовалось, как не пришлось уточнять, с чего Затворник сделал такие выводы. Слишком многие, кто хоть мельком видел нас с Аргусом вместе, замечали то, что бывший страж уделяет мне подозрительно много внимания. Другое дело, что они не знали причин подоб-

ной заботы.

– Вряд ли моя судьба его сейчас волнует, – сказал я, невольно вспомнив Изму.

Затворника это, однако, позабавило.

– Ха! Ты так недалновиден. Сдается мне, твоя скромная персона куда важнее для того куата, чем ты можешь представить.

Убогие намеки всегда вызывали во мне дискомфорт, но вместе с тем побуждали задаться вопросом:

– С чего это вы взяли?

– Слишком многое вижу да примечаю.

Я фыркнул.

– Так держать. И все же, я никуда идти не собираюсь. Замок под наблюдением, а лезть обратно в джунгли у меня нет ни малейшего желания.

– Что ж, – слегка разочарованно протянул Затворник, – тем хуже для тебя.

Без всякого предупреждения он схватил меня за воротник и спихнул вниз с обрыва.

Глава 6

Долгий разговор под покровом ночи

Пока падал, я орал благим матом, на все лады распекая проклятого Затворника и свою глупость. Как можно было так опростоволоситься?! Как можно было забыть об элементарной защите?! Какое я, к гнаркам, воплощение Теней, если простейшей ловушки заранее распознать не сумел?! Трижды неразумный и наивный дурак!!!

Как от моего вопля не всполошилась риоммская гвардия на противоположном утесе, в голове не укладывалось. Никаких стратегических мыслей. Только животный страх и полное неверие в реальность раскидистых крон, на бешеной скорости несущихся мне навстречу. Последние секунды перед тем, как ухнуть в гущу листвы, растянулись до невообразимости. Будто время замедлилось. А вместе с ним и я.

Дальше все вышло как-то само собой. Ветки паатов расступились, образовав нечто вроде коридора, сквозь который я и пролетел на бешеной скорости, пока, наконец, не столкнулся с толстенным, почти в два человеческих торса, побегом. Притом столкнулся своеобразно: аккуратно спикировал в клубы черной массы, точно завершил тщательно отрепе-

тированный акробатический этюд. Раз – и готово. Даже пятки не отшиб. Только сердце в груди с трудом удержал.

– Ишь ты... Вот это виртуоз! – присвистнул Затворник, приземлившись рядом. Голос его переполняло удовлетворение, отчего мои кулики зачесались втрое сильнее.

Все еще утопая в густом черно-синем облаке, я выбросил вперед левую руку. Поток Теней сорвался с пальцев и впечатал ублюдка в ближайший ствол.

– Если жить надоело, мог бы просто сказать!

Источаемый кожей дым, отражением клокодавшей в душе злости скрывал меня в своих клубках.

Впрочем, на засранца это впечатления не произвело. Упираясь спиной в паат, он как заведенный хохотал.

– Хватит ржать! Говори, зачем пытался меня убить?!

Но Затворнику, казалось, все нипочем. Глядя на меня сквозь бинокляры, он продолжал сыпать идиотскими смешками. И сыпал бы еще долго, если б одно из дымных щупалец не устремилось к нему и не сдавило бы глотку.

– Говори, кому сказано!

Смех оборвался невнятным всхлипом. Но даже несмотря на это, Затворник не прекратил весело подвывать. Еще пару мгновений он продолжал гавкать сквозь слезы, а затем подал знак прекратить.

Помедлив немного, я все же ослабил хватку. Затворник сложился пополам и зашелся в приступе безудержного кашля, который все равно перемежался смешками.

– А ты не так умен, как кажешься, – наконец выдавил из себя он и попытался выровнять дыхание. Глуповатый намордник, видимо, мешал, так что почти сразу же полетел в сторону. – Красивый иخور, кстати.

Я не понял, о чем он. Да и не до того пока было.

Лицо, которое я наконец увидел, шока не вызвало. В прошлом, вероятно, привлекательное, сейчас оно принадлежало человеку неопределенному. Во всех смыслах этого слова. Ни возраста, ни какой-либо иной принадлежности угадать по нему возможным не казалось. Бледная кожа, практически без морщин, черты невыразительные, длинные, седые волосы. Немного удивляли глаза, слишком большие и яркие для подобного типа людей, и да – все еще блуждавшая идиотская ухмылка. Последняя до того бесила, что я не выдержал и новой порцией черного дыма отбросил на ветку ниже.

– Благодарю покорно, – прокричал он и через мгновение по-молодецки запрыгнул обратно.

Понимая, что от этого трюкача можно ждать чего угодно, я оставался настороже.

– Можешь не напрягаться так, – сказал Затворник, потирая горло. – Больше я тебе ничего не сделаю. Клянусь.

– Охотно верю.

Клубящаяся вокруг меня тьма сползла к ногам, но полностью исчезать не спешила.

– Зачем было сталкивать меня сюда? – спросил я, пытаюсь смахнуть с ладоней остатки темной массы.

Затворник, с заметным интересом, наблюдавший за моими тщетными стараниями, изогнул бровь:

– Разве не очевидно? Чтобы убедиться, что ты действительно тот, кто мне нужен. Ихор это доказал.

– Тот, кто тебе нужен? – Я нахмурился. – Для чего?

Он улыбнулся почти плотоядно:

– Для того чтобы сделать все, как надо.

Облако у моих ног снова вспенилось. Приплыли! И что это, позвольте спросить, должно означать? Чего он, как надо делать собрался, да еще и с моей помощью?

Эти вопросы мгновенно вылились в устной форме.

– О-о, парень, – протянул Затворник, снова бросив мимоличный взгляд на окутывавшее меня облако, – ты просто не понимаешь, в какое место угодил. Что это за планета, и какова ее история...

– Древний мир, созданный расой юхани в качестве полигона для своих метафизических опытов, – как по учебнику продекламировал я. – Под сенью паатового леса создатели хранили Иглу Дживана, а для пущей безопасности сотворили расу аборигенов, неподвластную влиянию Теней и лейров. Их называют махди, и у них симбиотическая связь с местным плотоядным растением – минном. Ничего не упустил?

Затворник присвистнул.

– А ты хорош. Откуда столько знаешь?

– Зачитывал до дыр трактат Батула Аверре, – ответил я

без задней мысли.

Кто ж знал, что после этих слов собеседник едва не поперхнется воздухом?

– К-как ты сказал?

Я повторил:

– Трактат Аверре об истории лейров. Весьма известная, редкая и очень дорогая вещь... – Которую я бессовестно сжег в порыве гнева и отчаяния.

Затворник, то ли прочитал мои мысли, то ли имел к Аверре свои какие-то претензии, хмыкнул:

– Да уж, прямо антиквариат. Вся тонкость в том, что теперь от прошлой Бойджии мало что осталось. Махди практически вымерли, а их связь с минном сошла на нет. Злобные демоны леса исчезли. Некому больше беречь эту чашу от лейров.

– Так ведь и лейров больше нет. – Вспомнив, с кем говорю, поправился: – Практически.

– В этом все и дело! Природный баланс. Нет Иглы, нет лейров, а нет лейров, нет и угрозы для племени. Все просто как дважды два. Понимаешь?

– Я понимаю, что ты мне просто зубы заговариваешь. К чему эти истории далекого прошлого? Они со мной не связаны. Чего тебе надо?

– А ты, я гляжу, разумник действия. Мне такие нравятся.

Ну уж это вообще ни в какие рамки не лезло! Напустив вокруг себя еще больше искрящегося дыма, я сверкнул гла-

зами и со всей убедительностью проговорил:

– Если ты сию же секунду не прекратишь паясничать и внятно не объяснишь, зачем сбросил меня в этой адский лес, даю слово, я избыю тебя до полусмерти, а потом оставлю на откуп Ди Аргусу.

Угроза, как и ожидалось, особого впечатления не произвела. Наоборот – только раззадорила.

– Насколько хорошо ты управляешь ихором? – спросил Затворник, указав на тьму у моих ног.

– Ихором?

– Трудно по-другому назвать дрянь, что прет из всех твоих щелей, – подбоченился он. – Самый натуральный ихор. Появляется, когда Тени становятся чет-то обособленным, стихийным и крайне тяжело управляемым. Прямо как в сказках. Дошло, нет?

Честней было бы признаться, что не дошло, но я все же сумел провести параллель между появлением темной массы и собственным эмоциональным фоном. Ихор этот всегда приходил на зов страха, отчаяния или злости. Искаженная форма чего-то до боли знакомого. Тени, вывернутые наизнанку.

– Так насколько хорошо он тебе поддается? – не унимался Затворник.

Я решил ответить действием и, взмахнув ладонью, пустил в сторону болтуна тонкий дымный побег. Я не собирался нападать, лишь продемонстрировать, на что способен. Скользя по дереву полупрозрачной змейкой, он резко вздыбился

перед носом Затворника.

Тот даже не дрогнул. Лишь улыбнулся, точно безумец, и осыпал меня аплодисментами.

– Изумительно! Чудесно! Просто блестяще! – Затем вдруг уселся прямо на ветке и глянул исподлобья. – Только ведь ты все равно ни хрена не понимаешь, да? Ничегошеньки.

Развеив созданную собственными руками теневую змейку, я не стал ничего отрицать. Очень хотелось знать больше. Но как дать это понять и вместе с тем не выглядеть жалко?

Затворник, казалось, мысли все-таки читал.

– Я, быть может, сумел бы кое-что рассказать, – протянул он, потупившись в притворной скромности. – Об ихоре и прочем. Я пусть и не всезнайка, но уж наверняка лучше твоей ненаглядной книжки. Ты ведь уже понял, кто я такой? А, Риши?

– Ну что вы! – саркастически фыркнул я. – Теряюсь в догадках!

– Опять перейдем на «вы»? – хихикнул он.

Я тут же отрезал:

– Обломись! И верни меня в замок.

Затворник растерянно захлопал глазами.

– Куда? К ненаглядному тюремщику? Обрато под замок?

– А вот это уже не твое лейрово дело!

Он примирительно склонил голову:

– Ты прав, Риши. Ты прав. – Но в глубине глаз по-прежнему плясали смешинки. – Не желаешь выслушать предло-

жение поинтересней? Я же вижу, ты вовсе не хочешь просиживать задницу в запертой на все замки крепости. Со мной-то веселее! К тому же я могу рассказать кое-что весьма любопытное о твоей старой подруге-шаманке.

Стало даже как-то обидно. Неужели я выгляжу действительно тюфяком, чтобы так откровенно мной манипулировать? Конечно, было интересно, откуда он узнал о шаманке, но не настолько, чтобы сразу клюнуть на удочку.

– Мне ворошить чужое грязное белье без надобности, – бросил я, наблюдая за тем, как растворяется в воздухе черная дымка с отчетливым синим отливом, этот... ихор.

Однако Затворник не отставал.

– Даже если это белье принадлежит тебе самому?

Я замер.

– О чем ты?

Он вскинул брови:

– О-о! Я тебя все-таки заинтриговал?

– Допустим, – не стал отпираться я. – Пока что, во всяком случае.

Он кивнул и, видимо, решив не злоупотреблять моим вниманием, тут же принялся сыпать подробностями:

– Так вот, твой ихор – штука не совсем для лейров обычная. Это чистый концентрат энергии, весьма непредсказуемый в обращении и трудный в освоении. Редким мастерам-лейрам удавалось создать вокруг себя еле заметный ореол. Но никто и никогда прежде не источал ихор в таких ко-

личествах.

Звучало так себе, и я не преминул сказать:

– И что, мне это должно льстить?

Затворник поднял указательный палец вверх.

– погоди, я не закончил. Ты когда-нибудь встречал Исток лейра в чистом виде?

Я вздохнул. Честней всего было бы сказать «да», однако вспоминать отвратительный эксперимент Майры Метары не хотелось. То, как душу несчастного подопытного вынули из тела и заперли в отдельной колбе, до сих пор вызывало мурашки по всей спине.

Приняв мое молчание за «нет», Затворник продолжил:

– Это субстанция, потенциал которой практически не поддается вычислению. Мощнее любой солнечной вспышки. Ручное орудие судного дня, если хочешь. И если этот самый Исток внутри лейра достаточно могуч, он заставляет и Тебя вокруг преобразовываться, что делает последние до ужаса нестабильными и в теории может привести к катастрофе немалых масштабов... Э-э-э, вижу, тебя это не больно-то впечатляет.

Я демонстративно зевнул.

– Еще немного и усну.

– Ха-ха. Хорошо. Ладно. Я понял. Историями про тайны Теней тебя не пронять.

– Нет. Извини. Сыт ими по горло.

– Тогда как насчет возможности остановить апокалипсис,

который в скором времени, вероятно, грозит всему сущему?

Наконец-то услышав то, что мне по-настоящему интересно, я невольно приосанился.

– Продолжай.

Улыбка Затворника сделалась плутоватой.

– Я знаю, что приключилось с тобой, Риши, и знаю, чего ты ищешь. Я мог бы помочь тебе в этом. В обмен на услугу, конечно же.

– Ты знаешь, как мне помочь? – В это не верилось даже через силу.

– Я уже довольно давно обитаю в этом месте, изучаю природу Бойджии, ее уникальное взаимодействие с Тенями. И сами Тени, конечно же, тоже. За годы, проведенные в затворе, я выяснил многое и многое отыскал. Запретное, но и полезное в не меньшей степени. Я знаю, как предотвратить выстрел, даже если курок уже взведен. И знаю, как не дать Истоку уничтожить Тени и впустить в наш мир неопишное зло.

Последние слова вынудили сердце пропустить удар, а затем заколотиться с удвоенной силой. Кровь в венах, казалось, заструилась быстрее, меня бросило в жар. А темный иخور, едва-едва испарившийся, снова свернулся в сизый вихрь. Сразу стало не до шуток.

– Кто ты? – потребовал я. – Очередной лейр на побегушках куатов?

Но он будто растерялся не на шутку и затараторил:

– Что? Нет! Нет-нет! Я не имею никакого отношения к куатам и к их Ордену. Я добровольный изгнанник и не связан ни с Адис Лейр, ни с куатами, ни с кем-либо еще. Я сам по себе. Но все это второстепенно. А главное здесь то, что на самом деле я хочу помочь тебе. Но взамен ты должен помочь мне. Никакого подвоха.

– Откуда изгнаннику знать о том, что может случиться, когда Тени исчезнут?

– Риши, успокойся, и я все объясню, – поднял ладони Затворник. – Когда ты только явился на Бойджию, для меня это не стало открытием. Честно говоря, я бы и не заметил ничего подозрительного, если б вы с шаманкой не надумали пробраться в заброшенный ведьмин дом. Изначально я следил именно за ней. Огиане привязаны к своим сородичам и крайне редко путешествуют поодиночке. Столкнуться с кем-то из них на Бойджии почти невозможно. Тот, кто ничего о них не знает, ничего и не поймет. Я же встречал огиан и раньше, а потому с огромным вниманием отнесся к тому, чем она здесь занималась. Шаманка что-то выискивала. Почти сразу стало понятным, что ей нужен был ты. Я тогда еще ничего о тебе не знал и только наблюдал со стороны.

Рассказ вышел таким убедительным, что не поверить в него было почти невозможно. Однако вот что настораживало: ни я, ни Тассия Руэ не заподозрили слежки, тогда как лейры всегда оставляли ментальный отпечаток. Если б Затворник околачивался поблизости, мы бы легко его вычис-

лили.

На это он возразил:

– Я называю себя Затворником потому, что большую часть времени и вправду провожу вдали от чужого внимания. При этом сам всегда смотрю вовне. У меня есть друзья, что заменяют мне глаза и уши. Именно от них я узнал, кто подбросил к трапу твоего корабля криокуб. Поскольку этот кто-то обитает в замке, то я попросил их всегда держать его в поле зрения. Я подозревал, что рано или поздно ты можешь объявиться на его пороге. И что же? Я оказался прав!

– Твои друзья? – переспросил я и, охнув, тут же сам дал ответ: – Махди! Так они не вымерли?!

Затворник качнул головой, затем повернулся и просвистел куда-то в лиственную тень. Это оказалось до того неожиданно, что я вздрогнул, когда на его пронзительный свист кто-то отозвался.

Едва я успел моргнуть, лес вокруг ожил, зашевелился и явил нескольких крылатых существ, верхом на которых восседали аборигены-махди. Последних я узнал благодаря статуэткам, украшавшим спальню в замке. Они и выглядели точь-в-точь как статуэтки: такие же мрачные, решительные и с удивительно яркими синими глазами на бугристых и будто высеченных из куска скалы лицах. Пернатые ящеры, которых махди сумели оседлать, заставляли прочные ветви паатов жалобно стонать под мощными лапами.

Встретить живых махди лицом к лицу – уже событие из

ряда вон, но столкновение с пестрыми в своей расцветке килпассаами (а это были именно они), выбило бы из колеи любого. Во всяком случае, моя отвисшая челюсть еще долгое время не желала возвращаться на место.

– Тени здешнего леса, – представил Затворник. – Не такие несговорчивые, как те, кого в свое время именовали так же. И куда более опытные шпионы. В особенности если дело касается... кхм... Теней. Впрочем, стоит отдать вам должное, Риши. Ты, шаманка и тот третий, кого ты отчего-то звал братом, умело заматали следы. Жаль, вы не знали, что ведьмино жилище имеет свои секреты. Немного поусердствовав, я выяснил, кого вы скормили минну и куда отправились затем.

При упоминании Мекета все мысли об аборигенах начисто выветрились, а ладони, заново покрывшись тонкой пленкой ихора, сжались в кулаки.

Затворник улыбнулся губами.

– Я много чего сумел выяснить о твоих спутниках и о тебе самом. Кое-что удивило. Что-то позабавило. Но вот чего я до сих пор не понимаю, так это причину, из-за которой с тобою носится бывший страж-куат.

– Я бы и сам не прочь узнать ответ на этот вопрос, – пробормотал я, мысленно удивившись тому, что Затворник в курсе того, что Аргус уже не числится в стане стражей и припешников Ордена куатов. Воистину, кто умеет наблюдать, владеет ключами к Вселенной!

– Вернусь к главному, – продолжил он. – Даже когда вы

всей честной компанией отправились в неизвестность, мне уже стало ясно, чем дело кончится. Подтверждение же я получил немного позже, когда леди с Тетисс вернулась обратно, но уже без вас. Компанию ей составлял маленький летающий робот...

Я опешил. Диана возвращалась сюда после Шуота?! Когда?! Как?! И главное – зачем?! Да и откуда было взяться СиОБи, если Тассия Руэ собственноручно превратила его в металлолом прямо на моих глазах?!

Затворник все понял и поспешил пояснить:

– Она появилась буквально за считанные часы до того, как над городом завис риоммский акаш. Не представляю, сама ли леди стала причиной такого переполоха, но убежден, что шутить с нею не следует.

«Это уж точно», – подумал я, живо представив целеустремленную Диану.

– Чтобы получить доступ к памяти робота, пришлось здорово извернуться. И тем не менее мне это удалось.

Споткнувшись о самодовольный взгляд Затворника, я поспешил возразить:

– Робот уничтожен. Я сам это видел.

Он же пожал плечами:

– Видимо, у нее был такой не один. Я, знаешь ли, не уточнял.

– Это ж сколько усилий! – Я не насмеялся. Уровень предприимчивости лейра и впрямь впечатлял. Умудриться про-

вести Диану Винтерс, да так, чтоб она об этом не заподозрила? Без дураков, на это был способен только мастер. – И все ради меня? Для чего?

– Ты ведь и без моих подсказок понимаешь свою ценность для определенного круга лиц, не так ли? Как и причину, из-за которой они пытались тебя прикончить?

Не сводя с него глаз, я кивнул:

– Когда вселенной грозит смерть, любые усилия оправданны.

– А цель и в самом деле благая – не позволить Теням исчезнуть. – Затворник подмигнул. – Все ваши беседы тщательно документировались механическим шпионом леди Орры и, раз уж ты уверен в его гибели, должно быть, автоматически копировались. Может, даже прямиком в процессор точно такого же лакея. Кто знает? Но я их, конечно же, изучил. Само собой. И потому знаю все. И о Хранителе Алого озера, и о Двери юхани, и об Истоке, способном спровоцировать коллапс невиданных масштабов...

Почему-то, когда Затворник произносил эти жуткие вещи в свойственной себе плутоватой манере, все казалось какой-то игрой. Увлекательной, но не слишком серьезной. На контрасте с ним, я вообще о чем-либо подобном задумываться боялся. Понимал степень угрозы, но полагал, что, если позволю страхам глубже пробраться в разум, не смогу побороть отчаяние, которое неизменно расцветет на благодатной почве сомнений.

– Твое лицо, как шедевр – невозможно отвести глаз. Столько эмоций! Понятно, из-за чего такая, как леди с Тетисс, положила на тебя глаз. Никогда не задумывался о карьере актера?

Я показал ему средний палец. Лейр закатил глаза.

– Так и быть, перехожу к сути. Я знаю о предложении шаманки запереть твои таланты внутри твоего же разума, вернуть все как было, и тем самым существенно снизить шансы на неблагоприятный исход для всех нас. – Снова улыбка, будь она неладна! – Затея интересная, но, боюсь, бессмысленная. Не знаю, понимала ли это сама огианка, но мощь, которой наградил тебя Рас Гугса, слишком велика. Рано или поздно она бы сломала любые запоры.

– А у тебя есть идеи получше? – Я старался говорить равнодушно, хотя внутри просто умирал от страха позволить себе капельку надежды.

И ведь не зря боялся. Ответ припечатал, будто гранитом по темечку:

– Идей получше нет. – Затворник помолчал. – Но. Откровенно говоря, я вообще сомневаюсь, что тебе нечто подобное нужно. Угроза-то миновала.

Я заморгал, часто-часто.

– То есть?

И снова получил в награду целую кучу идиотских смешков.

– А ты бедный и не заметил? Возвращение с мертвой пла-

неты юхани изменило тебя сильнее, чем кажется, Риши. И дело не в речах Хранителя или поступках шаманки. Помнишь, что я сказал вначале об ихоре? Он получается, когда Тени становятся обособленными. Оторванными от общего потока. Короче, активными. Раньше ты не мог создавать его в таких количествах. Так в честь чего теперь вдруг начал?

Я не опешил и не застыл пораженный. Я и сам не раз над этим задумывался. Только ответа все не находил. Я ждал, что Аргус или Изма прольют хотя бы толику света на то, что случилось в Гробницах юхани. Но они упорно молчали. Как будто опасались чего-то. Возможно, слишком бурной реакции? А почему? Неужели из-за правды?

Я уставился на Затворника в ожидании продолжения, хоть и чувствовал, что дальнейшие его слова мне, скорей всего, не понравятся. Тот смотрел в ответ, и в этот момент казался самым открытым человеком из всех, что я когда-либо знал.

– Все просто до безобразия, – сочувственно улыбнулся он. – Риши, ведь ты погиб на Шуоте.

Глава 7

Скрытый лаз

Он не сказал ничего нового. Лишь то, о чем я и сам догадывался, только не обращал должного внимания.

Впрочем, знать наверняка и догадываться – совсем не одно и то же, а потому легкий ступор я все же словил. Пока слова Затворника укладывались в голове, резонируя с внутренними ощущениями, я просто глазел в никуда и ни о чем не думал.

– Понимаю, такую правду нелегко принять...

Я жестом попросил его замолчать.

– Дело не в правде. – Вышло мрачнее, чем планировал, но, по сути, в этот момент был честен как никогда.

Истина и в самом деле оказалась ни при чем. Как и ни одна из точек зрения, с которой на нее можно было взглянуть. Проблема, если таковое слово в этом контексте уместно, заключалась в молчании. Чего Аргус опасался? Испугался, что, вопреки всем правилам, я не остался расплюснутым в лепешку под какой-нибудь каменюкой? Или переживал, что я не сумею держать себя в руках, узнав правду? Ждал, будто стану кидаться на каждого встречного? Счел опасной нежитью? И потому все это время так подозрительно вел се-

бя? Боролся с естественным отвращением?

Жалобный стон массивных ветвей паата под ногами вывел меня из задумчивости и заставил воззриться на дождь из листвы и щепок, посыпавшийся с кроны под напором моих сил. Возбужденно заерзали и зароптали килпассы. Наездники-махди, тщетно пытавшиеся их утихомирить, удрученно качали головами.

– Попридержи-ка гофаев, Риши. – Внезапная осторожность в голосе Затворника заставила сосредоточиться, и гигантское дерево тут же угомонилось.

Я огляделся. Ихор, прежде размеренно пенившийся у моих конечностей, расползся едва ли не по всему паату. Темная, с яркими сапфировыми вкраплениями дымка выглядела мором, заразившим могучее дерево, и едва не касалась пернатых змеев. От самого себя сделалось до того тошно, что следующие несколько мгновений я тщетно пытался привести ум в состояние покоя. Ни ерничать, ни злиться не хотелось.

Мало-помалу охватившая округу мгла начала растворяться, но сам поступок еще долго терзал мысли моих новых знакомцев, отражавшиеся на их лицах. Когда килпассы утихли, махди переглянулись и о чем-то забормотали на своем. Ругались, быть может?

– Риши, слушай, если ты все еще сомневаешься в моих словах...

Я перевел взгляд на Затворника, чье выражение утратило

всякую беспечность. Он казался как никогда сосредоточенным. И самую малость взволнованным.

– Не сомневаюсь, – ответил я, чем сделал большую ошибку.

Едва слова сорвались с языка, настороженность Затворника мгновенно сменилась презрительной ухмылкой. Он протянул:

– А. Так тебя уязвило, что твой приятель-куат тебе об этом не сказал, да? Как интересно.

Я напрягся быстрее, чем он успел сопроводить свои слова многозначительным движением бровей. Дымное щупальце, выросшее из левой кисти, молниеносно обвилось вокруг его горла – совсем немного сдавить, и шея переломится.

– На что это ты намекаешь?

Затворник тут же отступил (фигурально выражаясь), хотя страха не выказал.

– Спокойно. Я ни на что не намекаю. Лишь изумляюсь твоей неисправимой наивности. Серые стражи бывшими не бывают. Не следует им доверять.

– А я никому и не доверяю.

Однако он не купился.

– Ох, и врунишка же ты, Риши! Не надо быть элийром, чтобы понять ход твоих мыслей. Серый страж не сказал всей правды, и тебя это задело. Ты думал, он тебе друг или хотя бы союзник, и теперь недоумеваешь, почему он умолчал о самом главном. Ничего не упустил?

Не в бровь, а в глаз, как говорится. Иخور у горла лейра развеялся.

– Он мог и не знать всего, – заметил я, по большей части лишь для того, чтобы отвадить мерзкий и насмешливый внутренний голосок. – Он мог подумать, что я ранен, и потому забрать на корабль. Ты твердишь о моей смерти, однако, вот он я – вполне себе живой. Труп совсем не напоминаю. Откуда Аргусу это знать?

Затворник, к моему удивлению, согласно кивнул:

– Это правда. Ты и впрямь очень даже жив, однако... – он выдержал драматичную паузу, – тут есть кое-какая деталь, в корне меняющая дело. Ты, Риши, сейчас здесь, на Бойджи, в то время как твое прежнее тело превращается в песок на Шуоте.

– Что значит «прежнее»?

Меня, точно недоумка, одарили очередной снисходительной улыбочкой.

– С Тенями возможно все, дружище. Если вспомнишь принцип пробуждения способностей в потенциальном лейре, то сам догадаешься.

Влекомый не столько любопытством, сколько привычкой сыпать знаниями о лейрах и Тенях, я проговорил:

– Того, кто хочет открыться потоку Теней, подвергают испытанию, ритуалу. Можно сказать, доводят до клинической смерти, а потом заново оживляют. Сам претендент при этом меняется безвозвратно как духовно, так и физически. Если

выживает, конечно.

– Правильно. – Затворник широко улыбнулся и неожиданно пробормотал себе под нос: – Я, пожалуй, единственный, кому повезло избежать этого ужаса. – Затем снова сверкнул глазами: – Но ты-то у нас случай особый. Это догадка, но я убежден, что она верна. Мне кажется, твой Исток оказался настолько могуч, что после уничтожения тела, соткал себе новое. Прямиком из потока.

От этого бреда у меня челюсть так и отвисла.

– Чего?

– Штука в том, Риши, что Исток не может обойтись без оболочки. Я полагаю, первое твое тело Гугса создал в качестве удобного футляра и одновременно усилителя резонансного взаимодействия с Тенями. Оно погибло, а привычка жить в домике осталась.

– Чего?!

Затворник всплеснул руками:

– Да что ты заладил-то? Я говорю, лейры всегда плохо ладили со смертью, а Исток вообще такой банальной слабости не подвержен. Тело может погибнуть, но сам дух, само воплощение Теней никуда не исчезнет. Некоторые природные процессы необратимы. И даже Исток обязан им подчиняться.

Откровенно говоря, слушать все это было больше, чем узнать о своей безвременной кончине. И если последнее я хотя бы мог почувствовать на уровне подсознания, то вот от

всех остальных заявлений Затворника хотел быть во все горло. Что это за хрень?!

– Это чистейшей воды бред. Ахинея. Ничего более идиотского в жизни своей не слышал! – Меня распирало от возмущения. Сколько еще чепухи придется выслушать, чтобы наконец разобраться в себе?!

– Ты так считаешь? А как же твое самоощущение? Неужто не видишь разницы? Раны, которые сами собой затягиваются? Сочащийся ихор? Из метафорического образа воплощенной Тени ты, Риши, стал ею по факту. Ты погиб и возродился. Новым собой.

– Так не бывает. И так не должно быть, – заявил я с прежней пылкостью, но все слабеющей внутренней убежденностью. – Это все не сказка, а я – не мифический зверь.

Тон Затворника сделался снисходительным:

– Понимаю твое состояние, Риши, и, пожалуй, реагировал бы так же. Но, хочешь не хочешь, а тебе придется принять все как есть. Ты Исток, воплощенная Тень, самодостаточная и независимая от единого потока. И хватит об этом. Я тебя сюда притащил не ради психотерапии.

И на том спасибо, хотел вставить я, но вместо этого, понукаемый новыми открытиями, спросил:

– Ты сказал, что попросишь об услуге взамен на помощь. Однако, судя по твоим же словам, помощь мне теперь не особенно-то и нужна. Если я и впрямь... умер, – произносить это слово было до того неловко, что голос дрогнул, – а затем

возродился свободным, то, значит, не могу уничтожить поток. Ты сам это сказал: «угроза миновала». Ты никак не подействовал этому, а потому ни о какой ответной услуге и речи быть не может. Или я не прав?

Новую улыбку Затворника словами описать было невозможно. Он вроде и раздосадовался попаданию впросак, но при этом остался доволен тем, как я его подловил. Станный тип, ну, правда.

– А разве сама информация, что я дал тебе, ничего не стоит? – хитро прищурился он.

В ответ я пожал плечами:

– А что она меняет-то? Узнай я обо всем раньше или позже – разницы никакой. Так или иначе, Теням ничего не грозит.

– Лихо соображаешь, пацан. Хотя далеко не во всем прав.

– И как это понимать?

Продемонстрировав мне все свои тридцать два зуба, Затворник охотно объяснился:

– По правде, здесь и кроется суть услуги, о которой я собирался тебя просить. Если ты знаком с историей Бойджи, то должен знать о том, для чего вообще юхани ее создали.

Осторожно кивнув, я сказал:

– Что-то вроде хранилища, где они припрятали все свои тайные знания, перед тем как развоплотиться и стать Тенями. – Помолчав немного, я добавил: – На мой вкус, весьма недалновидный поступок. Если верить Аверре, юхани со-

здали слишком много опасных вещей. По-настоящему опасных. Разумней было бы уничтожить их с концом, а не прятать. Оставив даже самый ничтожный шанс на то, что эти артефакты могут быть найдены, они подвергли Галактику опасности.

– Какой-то ты неромантичный.

Моим ответом на это был долгий и многозначительный взгляд.

– Ладно, – тут же отступился он, – понимаю тебя. Когда столь плотно работаешь с Тенями, о романтике думать некогда.

– Не сочти за грубость, но мне кажется, что у тебя от чрезмерного затворничества крыша немного поехала.

Тот даже отпираться не стал.

– Есть такое. Чуть-чуть. Но я с этим борюсь. Как и с тем, что обнаружил недавно тут, в лесу.

– Может, скажешь уже, что это?

– В том-то и дело, что я сам не знаю. Потому и хочу привлечь тебя, чтобы выяснить.

– И что я должен сделать?

– Как можно больше ихора!

Первым порывом было спросить, для чего, но в голове всплыла еще одна (да-да!) любопытная мысль, которую я и озвучил:

– Рассчитываешь, что он укажет путь?

Затворник снова впечатлился:

– Исток куда сообразительней, чем прикидывается. И часто ты строишь из себя незнайку?

– По случаю, – поскромничал я. – И я не строю. Чаще всего я и впрямь мало что понимаю.

– Верю с охотой. И ты прав – да, теневой ихор действительно по-особому реагирует на следы юхани. Как компас, фактически.

Поскольку не он один мог выдавать себя за саркастичного выродка, я елейным голоском пропел:

– Откуда тебе знать об этом, если, по собственным же словам, ты никогда ихор не создавал?

Судя по выражению лица, Затворнику мой подход понравился. Он выдал:

– Ну, у меня было множество примеров для наблюдения. Да и сам я не дурак, положим. Ты вон тоже быстро докумекал, хотя едва ли на личный опыт опирался.

Что ж, это было справедливое замечание. И раз уж ходить вокруг да около я не любил, перешел к главному:

– С чего нам начать?

– Сперва сделай то, что у тебя лучше всего выходит: разозлись.

Вопреки напутствию, я собирался засыпать Затворника очередной порцией вопросов, но тут в кармане негромко завибрировал коммуникатор. Выданная Измой на непредвиденный случай, штучка напрочь вылетела из головы. Так что, когда тихий зуммер заиграл, все, кто в тот момент находи-

лись поблизости, насторожившись, вытаращились на меня, будто на сумасшедшего с гранатой.

Вынув коммуникатор из-за пазухи, я без особого, впрочем, рвения нажал кнопку «принять».

Из динамика донесся раздраженный старческий голос:

– Мастер Риши, где вы?

Возмущение Измы заставило растеряться и ляпнуть первое, что на ум пришло:

– Гуляю. – И не ложь, и не правда.

Повисла продолжительная пауза.

– Г-гуляете? Что это значит?!

Бросив мимолетный взгляд в сторону Затворника, насмешливо выгнувшего бровь и вслушивавшегося в разговор с особым тщанием, я закатил глаза и бросил в микрофон:

– Изма, вам объяснить значение слова?

– Не нужно. – Фыркание старика было столь громким, что, казалось, могло шевелить листву на паате. – Я зашел навестить вас, но не застал. Почему вы ушли, никого не предупредив?!

Он меня еще и отчитывать будет? Темные клубы ихора сами собой стали сгущаться вокруг.

– Я же не заключенный, вы помните?

Новая пауза. Но уже короче первой.

– Разумеется, помню. Однако и вам напомним, что вас настойчиво просили не покидать пределы замка, а я прекрасно слышу, что вы сейчас вне его стен. Вы на улице? Вам бы не

помешало с большим уважением относиться к тем, кто вас приютил.

Стало не то чтобы неловко, скорее напряженно. В мысли прокралось подозрение, что...

– Изма, это вы потеряли меня или Аргус?

– Хозяин все еще... занят и не знает, что вы *гуляете*.

Бесшумно выдохнув, я ответил:

– Буду признателен, если он и не узнает.

– Но, мастер Риши!..

– Изма, вам не о чем беспокоиться, – твердо проговорил я под одобрительный кивок Затворника. – Со мной все хорошо. Вернусь достаточно быстро. Как только завершу одно дельце...

– Вы ведь понимаете, что будет, если правда о вашей прогулке всплывет? Хозяин не обрадуется.

Вспомнив далеко не самый теплый разговор у бассейна, я сказал:

– Как-нибудь переживет. – И без малейших колебаний отключился... чтобы тут же столкнуться с вялыми аплодисментами Затворника:

– Да здравствует самостоятельность! Мои поздравления, герой.

– Заткнись, – беззлобно бросил я, спрятал коммуникатор обратно и покосился на ближайшего килпасса, беззаботно клацающего челюстями в попытках поймать хоть одну из снующих меж листвы красноперых пичуг. – Полагаю, в путь

отправимся верхом?

– Точно. Только отдельного зверя я тебе не выделю. Полетишь с одним из махди. Не против, надеюсь?

– Ничуть.

Я приблизился к пернатому ящеру и невольно вспомнил гофаев. Зверюги отличались практически во всем, но только не в отношении к собственным наездникам. И те и другие, казалось, одинаково добродушно воспринимали тех, кого возили. В надежде наладить ментальный контакт, я протянул к килпассу руку, но махди, что сидел верхом, отрицательно качнул головой. Я смутился. И правда, что за дурь соваться к чужой животине? Но махди, казалось, не обиделся, а, протянув жилистую руку, помог мне забраться в седло.

– Держись крепче, Риши, – посоветовал Затворник.

Когда килпасс, понукаемый наездником, вдруг резко соскочил с ветки вниз, я чуть не вывалился из седла. От падения уберег инстинкт, заставивший вцепиться в аборигена, точно в родную мать. Тот что-то пробормотал себе под нос, после чего расхохотался. Наверное, веселился моей неуклюжести. Решив, что это и впрямь смешно, я чуток расслабился и, пока проносились под очередной раскидистой кроной, пытался отыскать взглядом Затворника.

– Не вертись! – послышался с боку его окрик.

Скорость, которую развивали килпассы, без шуток, кружила голову. Не всякий прыгун на такую способен. Ветер шумел в ушах, трепля волосы. Запах прелого воздуха ис-

чез, сменившись прохладной ночной свежестью. Небольшой любитель летать, я все же не сумел остаться равнодушным. Особенно когда глаз зацепился за местные виды, доступные лишь с такой высоты.

Если днем Великий боиджийский лес радовал глаз всеми оттенками зеленого, то с наступлением ночи раскрывалась его подлинная красота. Люминесцентные цветы и лишайники, облюбовавшие едва ли не всю нижнюю часть паатов и заливавшие округу голубовато-сиреневым светом, придавали ему особое полумистическое очарование. И это невзирая на полчища ночных хищников, резво снующих с ветки на ветку в поисках еды. Китхи, гуатаны, крохотные туа-летияги, кого здесь только не было! Попалась даже колония плотоядных лоз, в чьих ловчих сетях болтались иссохшие останки заплутавших жертв (притом не только животного мира).

Вдруг махди-наездник сказал практически на чистом риоммском:

– Навернешься в такую сеть, доставать не полезу.

Я принял предупреждение не слишком разевать рот по сторонам, но от вопроса не удержался:

– Он что, вас всех нашему языку обучил?

На что абориген, громко фыркнув, отозвался чуть ли не с возмущением:

– Мы не такие дикие.

Резонно, учитывая, что я практически ничего не знал о махди.

Прежде чем Затворник дал сигнал на снижение, мы преодолели еще несколько километров под кронами. И вот что удивительно: за все время полета, занявшего около получаса, я ни разу не услышал просьбы задействовать ихор.

Пришлось напомнить.

– Ты же сказал, что не знаешь, где искать место.

Мы спикировали на одно из мертвых деревьев, насквозь проросшего мерцающими бледной лазурью лозами-паразитами. Под стволом, дико изгибавшимся почти параллельно земле, обнаружилось нечто вроде прогалины, куда по неведомой причине ни одно растение не осмеливалось пустить побеги. Даже сам паат, засохший много лет назад, казалось, избегал этого места, что определенно не могло быть простым совпадением.

– Я сказал, что не знаю, *что* искать, – ухмыльнулся тот по-идиотски, спрыгнув на толстую ветку. – Остальное ты сам додумал.

Я молча закатил глаза. Спорить бесполезно.

Спешившись, сам спросил:

– Что я должен сделать?

– Пусти ихор по прогалине. Глянем, как он среагирует.

– Почему ты вообще решил, что это именно *то самое* место?

Затворник долго всматривался мне в лицо, а потом ответил с улыбкой:

– Я же говорил: есть кое-какой опыт.

Что бы это значило? Уточнять я, конечно, не стал. Да и к чему? Знал же, что наболтает всякой чепухи, от которой голова потом только вспухнет. Лжи в этом своенравном балагуре, может, и не ощущалось, но вот недомолвок – устанешь считать. Не будь я сам чрезмерно любопытным, на шаг бы в этот лес даже не ступил.

– Эй, а у тебя неплохо выходит!

Вынырнув из мысленного омута, я бросил взгляд на густое темное облако, стремительно убегавшее от меня к широкой поляне внизу.

– О! Похоже, я был прав, а?! – Казалось, лицо Затворника вот-вот треснет, столько самодовольства в нем было. В сердцах он даже по-братски шлепнул одного из аборигенов по плечу. Тот, точно загипнотизированный, уставился на ихор и даже не шевелился. – Риши, прибавь-ка!

– Я тебе дойное животное?

Он тут же скривился.

– Ой, не надо! Чего тебе стоит? Говоришь так, будто собственную кровь сцеживаешь.

– Откуда тебе знать, что это не так?

Вопрос был из разряда риторических, и сам Затворник это прекрасно понимал. Хоть и не отказался от очередной загадочной ухмылочкой, намекавшей, что я опять чего-то не понимаю.

– Нет, Риши, даже не будь ты Истоком, знакомство с тобой все равно стоило бы ценить. Ты умудряешься сочетать

несочетаемое, отчего выходит ну просто адская смесь!

Если это был комплимент, то чересчур завуалированный. Настолько, что я не разобрался, стоило ли мне на него обижаться. Решив, в конце концов, не тратить время, я продолжил сосредотачиваться на ихоре, странными концентрическими кругами сгущавшемся над прогалиной. Спустя несколько мгновений до моих ушей начал доноситься едва заметный шум, похожий на тихий шепот. На всякий случай глянув на своих спутников, я понял, что не один его слышу. Пернатые ящеры выглядели взволнованными, их цветастые хохолки то и дело тревожно поднимались и опадали. Махди переглядывались и пытались успокоить животных. Сам лес вокруг, казалось, недовольно зароптал.

– Весьма зловеще, не находишь? – осведомился Затворник, подмигнув мне.

«Клоун», – мысленно постановил я.

– Что дальше?

– Наблюдай.

Проще некуда. Я снова вперился в темные круги, заполнившие прогалину, и спустя какое-то время начал замечать небольшие изменения в рисунке. В изображении окружностей стали заметны пробелы, а там, где ихор плотнее всего собирался, в самой почве проявлялись слабые углубления.

Махди, наблюдавшие с почтительного расстояния, заволновались и повскакивали обратно в седла.

Я глянул на Затворника:

– Чего это они?

– Думаешь, старые привычки легко перебороть? Махди с молоком матери впитали, что Тени – это зло в чистейшем виде. Не удивляйся особо.

Я и не стал. Какая мне разница, чего они себе там навывдумывали?

Меж тем рисунок на прогалине сделался четким. Как если бы ихор был красками, которыми чья-то невидимая рука заливала такие же невидимые рамки. С каждым следующим мгновением узор как будто тяжелел и сильнее вдавливался в почву.

В один из моментов, когда рисунок окончательно проявился целым набором концентрических кругов, напоминавших схему звездной карты, прогалина вдруг взяла да и обрушилась внутрь себя. А на месте клочка земли открылся широкий лаз. Вот только куда, мне пока было неизвестно.

– Ой, смотри-ка, я был прав! – просиял Затворник и повернулся ко мне. – В который раз, между прочим.

Задумавшись на секунду, а не послать ли его куда подальше вместе со всеми закидонами, я все же промолчал. Зайти так далеко и вдруг на попятную? Нет, это было не про меня.

– Снова подземелья, – вздохнул я и бесстрашно шагнул в нору.

Глава 8

Все мы предатели

Ну, как бесстрашно. Я просто не подумал, что на той стороне спуска могло поджидать что-нибудь по-настоящему неприятное, отсюда и храбрость взялась. Хотя, говоря по совести, вовсе не она вела меня вперед, а гнарково любопытство. Шагнув в нору, я на самом деле не отдавал себе отчета, что она может оказаться слишком глубокой, а приземление на дно, если таковое вообще имелось, – болезненным. И все же, назад было не повернуть.

Края спуска, вернее, та их часть, что еще оставалась видна в призрачном свечении лиан и соцветий, была неровной и отдаленно напоминала старые-престарые ступеньки. Слегка осыпающиеся и косые, они почему-то показались мне достаточно устойчивыми, чтобы выдержать вес взрослого человека.

Кто может сказать, почему в такие моменты интуиция предпочитает отворачиваться?

И дураку понятно, что без хорошей страховки спускаться по столь подозрительной лестнице не стоит. Но я, видно, был из той особенной породы дураков, что предпочитали делать, и только потом думать о последствиях. По крайней мере, не

стал утруждать себя размышлениями, когда наступил на самый верхний из выступов. Естественно, он тут же осыпался, отчего моя костлявая задница сосчитала все оставшиеся ступеньки до самого низа.

Звук, с которым я унесся с глаз Затворника и аборигенов, напоминал чуть удивленное «У-у-ух!». О чем сам Затворник позже и рассказал. Справедливости ради стоит добавить, что технически мое падение нельзя было назвать прямым, поскольку нора удивительнейшим образом изгибалась змеей, отчего и сам спуск больше напоминал скольжение по влажной почве. Так что кричать «У-у-ух!» в этом ключе было более чем уместно.

Несколько секунд мы нелепо топтались на месте в крошечной темноте, пока приземлившийся рядом Затворник не сотворил световой шар. Небольшая, с кулак, сфера из энергии Теней заливала ровным холодным сиянием часть пола. И ухмыляющееся лицо самого лейра, взиравшего на заляпанного грязью меня с легким оттенком превосходства.

– А ты так не можешь! – И если б я в этот момент не пытался оттереть прилипшие к штанинам комья сырой земли, уверен, он бы еще и язык показал.

– Хоть какая-то от тебя польза, – отмахнулся я и, бросив бесполезную затею – грязь только сильнее въедалась в ткань, – сосредоточился на месте, в которое привела кривая хорда норы.

Пещера. Огромная пещера, больше, чем я когда-либо мог

вообразить, теряла потолок и стены где-то в темноте далеко за пределами видимости. Пол под ногами был выстлан чем-то вроде гладких плит, составлявших некий витиеватый орнамент. Материал цвета старинной бронзы казался незнакомым и на ощупь напоминал что угодно, но только не металл. Хотя внешне на металл больше всего и походил. А еще, не скажу в силу каких причин, но орнамент, вычерченный на полу, при долгом и пристальном взгляде, как будто изменялся. Я уже встречал нечто подобное. В Храме лейров на Шуоте.

– Как странно... – Мои слова сопровождалось слабым эхом.

– Что? – Затворник сразу встрепнулся.

Я указал на плиты:

– Рисунок движется сам по себе. Не думал, что где-нибудь еще встречу подобное.

Лейр приподнял брови и лениво почесал за ухом.

– Гробницами юхани впечатлился?

– А разве не следовало?

– Шуот умеет поражать, – пожал он плечами, – но только если ты сопливая малявка. Только без обид. Храм посреди пустыни, обелиски там всякие... Все это красиво, не спорю. Но по большей части бессмысленно. Когда чего-то становится слишком много, его ценность снижается. Так и с «местами силы», которыми юхани в свое время напичкали Галактику. Я повидал парочку. Даже здесь, на Бойджии кое-что раско-

пал. Так что научился не дрожать от священного трепета перед каждым убогим склепом. И тебе советую поступать так же. Чем меньше чем-то восхищаешься, тем ниже шанс разочароваться.

Развивать тему дальше я не стал, но за внезапную тираду поблагодарил. Ведь она добавила очередную деталь к большой мозаике личности Затворника. Его истинное имя и цели по-прежнему оставались загадкой, но отношение к юхани и их наследию кое о чем говорило. Лейр непросто не трепетал перед предтечами Теней. Он их люто ненавидел. И пусть как мог старался скрыть ненависть за широкими ухмылками и простодушным взглядом, я все же распознал намеки в глубине выцветших глаз.

– Будем пялиться друг на друга или делом займемся? – хмыкнул он.

Я закатил глаза и отвернулся. Пускай дальше думает, что он весь из себя такая загадка.

Я поманил лейра вглубь подземелья. Вообще-то, мне нужен был только его светящийся шар, но что поделать, если без своего создателя он бы и с места не сдвинулся?

Звук шагов дробился и множился. Запах сырой земли щекотал ноздри. Было холодно. Мы продвинулись вперед где-то на десяток метров, но ни конца, ни края пещеры так и не заметили.

– Ты уверен, что здесь вообще что-то есть?

– Пусть твой иخور нам об этом скажет. – В холодном сия-

нии светильника лицо Затворника казалось таким же неестественно бледным, как у Аргуса, а в чертах проступало больше обычного морщин. В этот момент он выглядел старым настолько, что мог бы перещеголять Майру Метару.

Не желая снова быть уличенным в чрезмерном внимании, я поспешил сотворить порцию темной субстанции. На сей раз не пришлось даже напрягаться. Стоило лишь пожелать, ихор вмиг расплзся по полу тонким, чуть клубящимся маревом.

Расплзся и утихомирился.

– И? – спросил я, когда и через минуту ничего не произошло.

Затворник промолчал. Он выглядел до того растерянным, что мне даже расхотелось упражняться в остроумии.

– Здесь что-то не так, – сказал он.

– А когда-то бывало по-другому?

– Я серьезно, Риши. – На лейре не было лица, и говорил он с каким-то надрывом, словно каждое слово давалось ему большой ценой. – Я чувствую. Что-то... произошло. Здесь кто-то был. И не сказать чтоб очень давно...

– Каким образом? Пещера же была запечатана.

Но он и не думал спорить или отрицать.

– Точно. Тем не менее кто-то обошел все печати, спустился сюда и... – Затворник резко замолчал, прикрыл глаза и будто прислушался к чему-то за пределами восприятия обычных органов чувств. В этом состоянии он провел

несколько минут.

До тех пор, пока я не выдержал и не спросил:

– Что делать-то будем?

Лейр ожил. Открыв глаза, он указал световой сфере вперёд и сам, не отставая, последовал за ней.

– Риши, глянь сюда! – Затворник остановился на самом краю пятна света и указал пальцем куда-то за пределы видимости. – Попробуй проверить, что там!

Нетипичность поведения болтливого лейра сбила градус моего сарказма. Решив не доставать его лишними вопросами, я уступил просьбе и зашагал сквозь извивающееся облако ихора ближе к лейру.

– И что тут?

– Барьер! – Затворник раздраженно махнул редющей гривой. – Или что-то вроде того. Не могу перебраться.

– С чего ты взял, будто я смогу?

– Попробуй хотя бы!

Темнота была чересчур густой, и чудо-светильник не слишком-то справлялся с задачей. Его бледное сияние с трудом пробивалось сквозь мрак. Но разве так должно быть? В голове родилась догадка, что все это нарочно спланировали строители подземелья. Вопрос лишь для чего?

– Есть способ немного усилить яркость? – на всякий случай спросил я. Казалось, будто впереди с трудом угадывалось нечто вроде угловатого возвышения.

Возбуждение, наполнявшее голос Затворника, сменилось

напряжением:

– Она и так на всю. В этом и проблема. Это место... оно как-то странно действует на меня. Сперва это было незаметно, но чем дольше я здесь нахожусь... Оно будто вытягивает мои силы.

Я насторожился, удивившись ответу. Странно, ведь сам я ничего подобного не испытывал. Помимо общего и весьма гнетущего ощущения, которое вызывала сама пещера, в остальном я чувствовал себя бодрее обычного.

И потому не удержался от самого банального из предположений:

– Надеюсь, это не попытка заманить меня в ловушку?

Сверкнув глазами, Затворник прошипел:

– Так все и мечтают тебя заполучить, ага! Смысл в этом какой, гений?! Ты ничего не чувствуешь, потому что отделен от потока. Тени тебя не касаются, а вот ты их – запросто! С помощью ихора. И, похоже, в этом-то все дело.

Что ж, кажется вполне логичным. Как и причина, из-за которой лейр вздумал прихватить меня с собой. Наверняка был и другой способ открыть проход. А вот преодолеть барьер – нет. Все, вроде как, на поверхности. Если не считать кое-чего еще...

– Все еще думаешь, что это юхани устроили?

Затворник щелкнул языком.

– Либо тот, кто очень не любит лейров. В любом случае не узнаем, пока не найдем, что здесь спрятано. Пройди к тому

возвышению. И поскорей, сделай милость. Не уверен, что долго смогу поддерживать свет.

Я кивнул и даже занес ногу для следующего шага, но тут взгляд опять зацепился за украшавший пол орнамент. В голове промелькнуло: Храм лейров, Гробницы юхани... Повинуясь внезапному порыву, я опустился на колени и приложился ладонями к холодным плитам.

– Эй, ты чего это делаешь?! Вперед, говорю, иди!

– Спокойно, господин Всезнайка. Если я что и почерпнул из знакомства с огианкой, так это то, что в подобных местах лучше не спешить. Знаешь, строения древности не только оберегают сокровища. Они еще и подсказывать умеют. Главное – знать, как попросить.

Я закрыл глаза и попытался воспроизвести те же манипуляции, которые помогли мне проникнуть в недра шуотского Храма. Я вовсе не был уверен, что сработает. Но надеялся. Ведь, несмотря на определенные перемены, по-прежнему оставался тем Темным Истоком, из-за которого в Галактике поднялось столько шума.

Нити Ихора проворно разбежались по полу и заструились по символам юхани, словно черная кровь по сосудам. Каждый символ, каждая черточка, каждая закорючка, покрывавшие здешние плоскости, будто ожили и запульсировали синеватым сиянием. Темнота отступила и показала нам истинные размеры таинственной пещеры.

У Затворника челюсть отвисла. В прямом смысле.

– Почему они сразу так не отреагировали? – пролепетал он, погасив сферу из света.

– Если бы я только знал.

– Но ты ведь додумался до этого. Сам.

– Интуиция. – Я распрямылся и в изумлении огляделся.

Подземелье впечатляло масштабами. Притом настолько, что просторные гроты под шуотским храмом теперь казались какой-то кладовкой. Формой октаэдра, только усеченного с обеих вершин, абсолютно пустая пещера могла бы вместить крейсер средних размеров. Помня, что юхани создали Бойджию как хранилище для своих жутких артефактов, я не мог взять в толк, что они прятали здесь. Широоченные своды и то самое возвышение в центре, что так заботило Затворника, наводили на мысль о зале для проведения тайных месс. И даже жертвенный алтарь свой имелся. И нечто вроде агнца на нем тоже – отрубленная голова некоего инсектоида.

– Это еще что за нахрен? – Затворника так и подкинуло. – Что это за нахрен, я спрашиваю?!

Оставалось надеяться, что вопрос не ко мне. Потому что сам я, как ни старался, ответа на него не находил. Все идеи и догадки, до этого метавшиеся в голове, будто в ускорителе частиц, вдруг испарились, образовав ментальный вакуум. Что предпринять? Как поступить? Совсем ничего не понятно.

Но я был разумник действия, а не сомнений.

Походив вокруг головы туда-сюда, я кое о чем вспомнил и

под воздействием внезапного порыва потянулся к ней пальцами...

– Ты уже подобное делал? – прервал меня лейр, очевидно, разгадавший маневр.

Я замер.

– Однажды.

– И? Как все прошло?

– Довольно неплохо.

Я не соврал. Ведь именно так все и было. Когда пришлось считать с отрубленных голов двух куатских прелатов последние мгновения их жизни. Но при этом у меня не было уверенности, что и теперь все выйдет как надо, поскольку я больше не принадлежал потоку Теней, а значит, и не мог использовать весь арсенал подаренных им способностей. Правила есть правила.

Но ведь не без исключений, не так ли?

Едва я склонился над головой, как тут же придумал пару вариантов, как обойти неудобство. Один из таких казался наиболее многообещающим. И немного дурацким. Поскольку снова вынуждал положиться на ихор, превратившийся в эдакую вырубалочку на все случаи жизни.

И все же я был достаточно уверен в себе, чтобы рискнуть.

Наконец удалось приглядеться к несчастному существу, чья голова венчала постамент. Оно было той же расы, что Желтый Малыш – хэфу, так они называются. Блестящие, лишенные зрачков антрацитовые глаза напоминали две стек-

ляшки, а ссохшаяся кожа прилипла к костям черепа. В прозрачном сиянии иероглифов голова казалась искусно выточенной, но жуткой скульптурой какого-нибудь инопланетного божка. Притягательно до отвращения.

«Кто ты? – спросил я мысленно. – И чем заслужил такую участь?»

Вопрос вылился в физическое воплощение переплетением черных и синих нитей, затанцевавших на алтаре. Будто живой, ихор закружил вокруг головы хэфу слабым вихрем, а затем просочился через рот, ноздри и глаза. И хлынул обратно.

– Как-то не похоже это на ретроспекцию, – заметил Затворник. – Уверен, что поможет?

– Помолчи, а?

Отвлекаться не хотелось. Как и напортачить. Я догадывался, что в руках моих прячется сила, способная открывать многие запертые двери. Универсальный ключ, если угодно. Но вот использовать его как положено все же не умел. И, как всегда, импровизировал.

Совсем скоро вся голова жертвы исчезла из виду, скрывшись в туманных клубках. Сапфировые искры, то и дело проскакивавшие меж ними, засияли ярче, оттеняя зажженные иероглифы. Что-то начиналось.

– Кем ты себя возомнил? – насмешливый оклик Затворника склизким червем пробрался меж крошечных трещин моей концентрации и пытался угнездиться в сознании. –

Волшебником или типа того?

Стараясь не терять сосредоточенности, я прошипел:

– Пожалуйста, заткнись.

– Даже если заткнусь, тебе это едва ли поможет. Ты только глянь, что происходит.

И я глядел. Мало-помалу бесформенная темная масса, которую я нагнал вокруг мертвой головы, стала приобретать более определенные очертания, как глина на гончарном кругу, направляемая руками мастера. Я мастером, увы, не был. Ни в чем. Но, повинувшись вдохновенному порыву, готов был тратить силы на попытки. Я верил, что дело может выгореть. Надеялся на это. И как только клубящийся ихор, пропущенный сквозь мертвую плоть, стал принимать еще неузнаваемые, но вполне отчетливые и детализированные образы, я осознал, что стою на правильном пути. Какой бы ни была взаимосвязь, Тени оставались Тенями. Теми самими, способными на все.

Сил на это уходило немерено, но результат должен был окупить все затраты. От напряжения ныли мышцы живота, а скулы сводило. Усталость свалилась на плечи каменной плитой, но я упорно не обращал на все это внимания. Сосредоточился лишь на поддержании достаточного количества темного субстрата, из которого, наконец, выросла немая сцена, короткая, немного гротескная и максимально неоднозначная.

Кусок местности, что она демонстрировала, был мне

незнаком и напоминал грязную подворотню забегаловки в предместьях Мероэ, с заблеванными углами и пьяными шлюхами, подпиравшими ободранные стены. Одна из дамочек, далеко не первой свежести и едва замаскированными следами побоев, отчаянно пыталась привлечь внимание коренастого хэфу, появившегося в поле ее зрения, – того самого, чья отрубленная голова теперь делилась предсмертными воспоминаниями. Видение показало его моложе и крупнее, чем изначально представлялось, что, в общем-то, было не лишено логики.

На проститутку наш герой внимания не обращал и выглядел слегка взвинченным. Слонялся из стороны в сторону, будто ожидал кого-то, кто сильно запаздывал. Каждый его шаг, каждый поворот и каждый жест при этом сопровождался отвратительнейшим стрекотом, похожим на шелканье тысячи жвал голодной водяной саранчи. Никогда плохо не относился к хэфу, однако долгое знакомство с их природными особенностями даже самого непробиваемого циника заставило бы вывернуть желудок на обочине.

– Он переел, что ли? – послышалось брезгливое из-за спины.

– Ты тоже это видишь? – слегка удивившись, спросил я. Мне-то казалось, видение будет работать лишь на меня.

– Полагаю, не так ясно, как ты. Но и на том спасибо.

Я фыркнул, но отвечать или уточнять что-либо не решился. Все силы и внимание уходило на поддержание видения,

которое своим развитием грозило выбить почву у меня из-под ног.

Потому что как только метания взвинченного хэфу оборвались, и в поле зрения объявилась новая фигура, я позабыл про все на свете, включая и то, как дышать. Ведь я больше не надеялся увидеть старшего брата живым и совершенно невредимым!

Одного мельком брошенного на Мекета взгляда хватило, чтобы колени задрожали, а концентрация нарушилась. Лицо мое и так было залито потом, но в буквальном смысле брызнувшие из глаз слезы превратили его в настоящий водопад.

Видение начало терять насыщенность и быстро испаряться. Меня повело, а топтавшийся позади Затворник все никак не мог понять, в чем же тут дело.

– Эй! Ты чего это, парень? Риши? Риши!

Я не отвечал, стараясь дышать часто-часто. Сквозь слезы и боль, застилавшие взор в прямом и переносном смысле, пытался ухватить каждую деталь в облике брата, такого живого, такого... юного.

Сколько лет назад все это произошло?

По виду Мекету здесь не было еще и двадцати, но даже в этом возрасте он умудрялся внушать страх одним только движением бровей. С коротко стриженными зачесанными назад волосами и щегольской бородкой, еще недостаточно длинной, чтобы ее можно было заплести в косицу, брат выглядел натуральным столичным кутилой, случайно при-

мкнувшим к силам вселенского зла. Сверкающий доспех серого стража, плащ, зловеще развивавшийся за спиной, и маска, зажатая в руке, лишь усугубляли контраст.

– Похоже, твой знакомый, – проговорил Затворник, пока я старался не раскиснуть еще сильнее и вернуть воспоминанию его изначальный вид. – А? Ты знаешь его, Риши? Кто это? На твоего дружка-куата не похож. Физиономия поудачней. Даже чересчур. Я его видел?

– Заткнись!

Едва только завидев Мекета, еще живой обладатель головы с обреченным видом бухнулся в грязь на одно колено и склонился. Проститутки, топтавшиеся позади него, изумленно тарасились на новоприбывшего, пока не сообразили, что разумней убраться подобру-поздорову. Едва дамочки исчезли, хэфу приподнял свое зеленовато-желтое лицо и полусшепотом проговорил:

«От тебя и впрямь хрен убежишь».

Застыв над ним величественной статуей, Мекет ответил, не скупясь на презрение:

«С твоими навыками? Нечего было и пытаться».

Хэфу издал невеселый смешок, однако на ноги так и не поднялся.

«Настырная ищейка. Ты же, Динальт, из черной дыры любого достанешь. В самую задницу забереешь, если придется, носом будешь землю рыть, но все равно докопаешься».

Мекет на комплименты не реагировал. Совсем. Он вообще взирал на хэфу с какой-то отстраненностью, будто все время мысленно куда-то ускользал, отчего последний только сильнее нервничал.

«А где твой звереныш?» – спросил хэфу, затравленно оглядываясь по сторонам.

Я сперва растерялся, по привычке решив, будто речь обо мне, но потом сообразил, что время моего появления в жизни брата еще не настало. Тогда я принялся перебирать в уме более подходящие варианты, но так и не додумался до верного ответа.

Зато увидел его несколько мгновений спустя, когда за спину хэфу с крыши забегаловки бесшумно приземлилась маленькая тень.

«Я тут», – тихонько откликнулась тень, склонившись над ухом инсектоида.

Вздвогнув, тот моментально развернулся и уставился в глаза мальчишки лет десяти, облаченного в точно такую же черно-серую броню, что и у моего брата, но без плаща.

Едва взглянув на него, я сам непроизвольно ахнул и, если б в том был хоть какой-то смысл, отступил бы на пару шагов назад. Уже выше, чем положено быть детям его возраста, мальчишка обладал теми же чертами, что и его взрослая версия, разве что чуть менее выразительными и резкими. Глаза лишь оставались прежними – будто выплавленными из чистейшего серебра и обжигающе-холодными при этом.

Обойдя хэфу и встав рядом с Мекетом, юный Ди Аргус насмешливо улыбнулся:

«Привет».

Я заметил, что вместо знаменитых наручей, он носил за спиной пару зазубренных электросерпов.

«Маленькая ушастая крыска! Как поживаешь? – Сдается мне, хэфу ехидничал из последних сил. Его блестящие глазищи подернулись странной полупрозрачной дымкой, а на лбу и желваках выступили капельки влаги. – Нравится чувствовать свое превосходство? Наслаждаешься триумфом, сраный подкидыш?»

Кажется, хэфу прекрасно понимал, с каким рвением сам себе роет могилу, и все равно не мог остановить поток мерзости, нацеленный на ребенка. Похоже, паренька он презирал всей своей душой, что меня самого, внезапно, несколько задело. Окажись инсектоид реален, я бы не упустил возможности отвесить ему подзатыльник.

Про Мекета и упоминать не стоит, а вот у маленького Аргуса выдержки оказалось хоть отбавляй. Все оскорбления он встретил, не поведя и бровью, с улыбкой, как если бы уже давно привык к ним.

Тем временем хэфу не унимался.

«Чего скалишься? Думаешь, он вечно будет тебя на руках носить? Поверь, рано или поздно найдется причина, и ты тоже отправишься в отстойник. Прямо как я когда-то. Не так ли, Динальт?»

Вопрос вынудил мальчишку стрельнуть глазами в сторону Мекета, в то время как сам брат лишь со скучающим видом склонил голову набок.

«Почему бы тебе не поразмыслить над собственным будущим? Зачем пудрить парнишке мозги?»

Хэфу зарычал в ответ:

«Потому что ты предатель, Динальт! Из-за тебя я стал добровольцем Метары, но только превратился гнарк знает во что».

«Ты сделал выбор, а вишишь меня?» – Мекет, казалось, удивился вполне искренне.

«Если б не твои сказки, никто бы и не рискнул сотворить с собой все это! Ты и эта сука Метара во всем виноваты! Все вы предатели, Динальт! Все! И этому твоему зверенышу надо бы помнить об этом!»

Губы Мекета растянулись в улыбку, от которой даже у меня кровь в жилах застыла. Тратить время на дальнейшие споры он не стал и только обронил:

«Конечно». – А после повернул голову к маленькому Аргусу и кивнул.

Тот знал, что ему делать, и на сигнал отреагировал без колебаний. Я сам вздрогнул, когда он с недетской решительностью вынул из-за спины электросерп и пустил по нему синие молнии. Детское лицо оставалось все таким же непроницаемым, а вот глаза, отражавшие разряды, казалось, засияли ярче.

До последнего не веря, что это случится, я все же понимал, каков будет финал у истории беглого хэфу.

Удар, как и все в движениях Аргуса, напоминал змеиный бросок – безжалостный и неотразимый.

Уши не успели уловить звук рассекаемого клинком воздуха, когда голова хэфу свалилась с плеч и с глухим стуком покатилась напрямик к мыскам начищенных до блеска сапог Мекета.

Заглянув в начавшие терять фокус глаза хэфу, брат улыбнулся чуть шире.

«Блестяще исполнено».

«Спасибо, учитель», – ответил Аргус голосом гордого собой мальчика.

С прежней невозмутимостью он спрятал деактивированное оружие обратно в ножны, пока Мекет поднимал отрубленную голову с земли.

Брат еще какое-то время рассматривал безобразную гримасу на лице хэфу и очень тихо, будто напоминая самому себе, пробормотал:

«Все мы предатели».

Глава 9

Смысл подмены

Я пришел в себя, сидя на заднице перед постаментом, и пялился в точку над головой хэфу, где еще несколько мгновений назад парило воспоминание мертвеца. Ихор рассеялся, вокруг снова сгустилась темнота, и только крошечный огонек, сотканный из остатков сил Затворника, едва-едва освещал клочок пола.

– Хрюкни что-нибудь, чтоб я понял, что ты жив, – послышалось со стороны источника света.

Волнуется. Забавно.

Устало проведя ладонью по холодному лбу, я тихо проворчал:

– Жив.

– Чего? – Тот будто издевался. – Повтори-ка. Не слышу ни гнарка.

Вот заноза... Набрав в легкие побольше воздуха, я проорал через плечо:

– Да жив я!

– Сразу бы так.

На то, чтобы подняться с ледяных плит, потребовалось некоторое время. На самом деле, гораздо больше, чем хоте-

лось бы. Меня будто выжали досуха. Дышалось с натугой, а лоб покрыла испарина. Конечности дрожали, как у столетнего старца, и упрямо отказывались поддерживать вес тела. Ладно хоть сознание не торопилось ускользнуть. Отделался легкой головной болью.

– Ты подниматься собираешься?

Да чтоб тебя!.. Кое-как раскорячившись на четвереньках, я раздраженно прошипел:

– Отстань!

– Я-то отстану. Но ты сам подумай, сколько времени мы уже убили впустую.

Впустую? Я бы так не сказал.

Впрочем, я много о чем собирался помалкивать. Трудно было просчитать, что ускользнуло от внимания лейра и насколько он хорош в построении причинно-следственных связей. Едва ли он не узнал доспехи Серой Стражи, но что касается личностей, их носивших, – дело другое. Образ Мекета и совсем еще юного Аргуса в покое не оставлял. Никогда не воспринимал всерьез сентенции вроде «с прошлым шутки плохи», но после увиденного уже не мог не согласиться. Изумляло, как в очередной раз, казалось бы, ничем не связанные между собой места и события вдруг обнаруживали ниточки, что потихоньку тянулись ко мне. Почему?

С горем пополам оказавшись на ногах, я, кряхтя и постанывая, повернулся в сторону лейра, который едва ли не подпрыгивал от нетерпения.

– Голову надо забрать, – сказал я. – Есть сумка или что-нибудь такое?

– Теперь еще и в некроманты заделаться решил? – уставился на меня Затворник. – На кой тебе мумия?

Чтобы было чем козырять перед Аргусом, когда придет время объясняться. Но вслух я об этом, конечно же, не сказал.

– Не уходить же с пустыми руками!

Тот опешил:

– Я, знаешь ли, не сушеную голову искал.

– Да ты понятия не имеешь, что искал, – напомнил я, но лишь после того, как отдышался.

Затворник, однако, уперся:

– Сдается мне, нас просто кто-то опередил. Хоть и трудно представить, как у него или их это получилось. Даже мне это место не поддалось. А я, поверь, кое-чего все же стою.

Решив поверить ему на слово, я предположил:

– Может, как раз в этом все и дело?

– Думаешь, не-лейру сюда было проще пробраться? А назад тогда как?

Я дал понять, что не знаю «как?». И, если уж говорить откровенно, вопреки натуре, не испытывал особого желания это знать. Меня волновало другое: почему голову хэфу спрятали именно в этой пещере и как с этим могли быть связаны Мекет и Аргус? Мог ли кто-то из них протащить останки сюда и если да, то с какой целью? Для чего? Какой во всем

этом смысл?

Мекета уже было не спросить. А вот позволить Аргусу уйти от ответов на этот раз я не собирался.

– То есть, ты все это на полном серьезе?

Я долго смотрел на лейра, прежде чем кивнуть.

– Ладно. Будь по-твоему. – Он покопался в поясной сумке и выудил оттуда нечто, с виду напоминавшее латаный-перелатанный холщовый мешок, и тут же швырнул его мне. – Только нести сам будешь.

А я и не возражал.

Раскатав мешок, я, все так же побряхтывая, вернулся к постаменту и аккуратно, чтоб не касаться голыми руками, и обернул ткань вокруг головы. О том, что мог стать жертвой древней ловушки, я подумал лишь в последний миг перед тем, как голова оказалась в руках. Несколько секунд постоял без движения, прислушиваясь, не прилетит ли откуда-нибудь что-нибудь.

К счастью, не прилетело. Даже банальной дрожи по полу не пробежало.

– Долго ты с ней обниматься собираешься? Пойдем.

И мы пошли.

Выбраться из пещеры ожидаемо было сложнее, чем попасть в нее. Но изрядно потрепанные (причем я в большей степени) и истощенные как морально, так и физически (и в этом мне удалось перещегоолять лейра на несколько пунк-

тов), мы не утратили решимости и воли доползти до поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.